

M. 5973.2

84
2015
M 5973.2

Н. В. Баженовъ.

Жечься

ИЛИ

въ землю тлеть?

КОСТРОМА

Типо-литографія Е. В. ФАЛЬКЪ, Марьинская ул., соб. домъ:
1909.

Изъ Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1908—9 гг.

1985
20/10/23
1992
22/10/05
1993
14/23/

М. 5973. 2
И. Н. Крупской

2Р-614

1950

85

КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской

ПОСВЕРЖЕНО
1946 г.

Жечься или въ землѣ тлѣть? *)

Современное въ Россіи значеніе вопроса о сожиганіи труповъ человѣческихъ, какъ погребеніи. Обзоръ кремационной практики въ разныхъ государствахъ Запада въ позднѣйшее время. Одинъ изъ типовъ трупосожигательной печи. Сожиганіе умершихъ людей предъ судомъ древней исторіи, свидѣтельствующей, что зарываніе въ землю было первоначальнымъ погребеніемъ у евреевъ и болѣе древнимъ, чѣмъ сожиганіе, у языческихъ народовъ. Неосновательность доводовъ гигиенистовъ въ защиту трупосожиганія — изъ опасеній зараженія воздуха и воды съ кладбищъ. Призрачность общественно-экономическихъ расчетовъ по сожиганію труповъ. Судебная медицина, какъ противникъ этого нововведенія. Правственное чувство, откровенное ученіе о ближайшей судьбѣ тѣла по смерти и о назначеніи его для воскресенія, почитаніе и явленіе мощей угодниковъ Б. въ православной церкви, какъ неизбѣжныя основанія за погребеніе въ землѣ. Сочувственныя къ этому обряду отношенія современныхъ католическаго духовенства и прусскаго правительства. Несочувственныя отзывы французскихъ писателей о трупосожиганіи. Тяжелое отъ этой операціи въ Миланѣ впечатлѣніе очевидца изъ соотечественниковъ.

Какъ ни страннымъ для нѣкоторыхъ можетъ показаться разсмотрѣніе даннаго вопроса у насъ — въ Россіи, но наша постановка его имѣетъ для себя основаніе отчасти въ самой русской литературѣ по этому вопросу, отчасти въ направленіи тѣхъ соотечественниковъ, которые до послѣднихъ временъ склонны безразборчиво усвоить разныя иногда появляющіяся на Западѣ теоріи и новшества и въ слѣпномъ поклоненіи легкомысленно слѣдовать имъ съ явнымъ пренебреженіемъ къ основнымъ ли началамъ русской народою жизни, къ устойчивымъ ли преданіямъ, или къ первоначальнымъ завѣтамъ христіанства по вопросамъ религіозно-правственнымъ и обрядовымъ. Такъ дѣло обстоитъ нынѣ и въ отношеніи претендующаго сдѣлаться моднымъ вопросомъ о сожиганіи тѣлъ умершихъ людей. Не болѣе четверти вѣка назадъ возникъ снова этотъ вопросъ въ западной Европѣ, по онъ вскорѣ

*) Публичное чтеніе И. Баженова отъ Оеодоровско—Сергіевскаго Братства 5 октября 1908 года въ залѣ Костромской городской думы, представленное здѣсь въ болѣе пространномъ и неупрощенномъ изложеніи.

205/3

же успѣлъ или всзымѣлъ силу возбудить въ нѣкоторыхъ государствахъ Запада большой интересъ, и вотъ въ ряду разнорѣчивыхъ толковъ по возникшему вопросу весьма часто въ литературѣ указываемо было на необходимость сдѣлать трупосожжение обязательнымъ. По давнему обычаю отголоски модныхъ рѣчей съ Запада мало-по-малу стали и продолжаютъ раздаваться уже болѣе десятка лѣтъ и въ нашемъ православномъ отечествѣ. Такъ на столбцахъ многихъ нашихъ газетъ и журналовъ *) не только сообщались свѣдѣнія, но помѣщались восторженные замѣтки о введеніи трупосожжания въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, и этотъ вопросъ по самой новизнѣ своей имѣлъ для нѣкоторыхъ интересующихся русскихъ, повидимому, большую силу привлекательности и вызываетъ иногда солидныхъ нашихъ литераторовъ и профессоровъ**) на публичное, притомъ сочувственное обсужденіе и отзывы. Въ виду того, что западная агитация въ пользу сожжания труповъ человѣческихъ, какъ погребенія, продолжается, хотя временами глухо, въ нашей литературѣ, мы рѣшаемся высказать свое слово во имя самой истины, чтобы, — въ цѣляхъ предостереженія соотечественниковъ отъ возможнаго увлеченія западныхъ новшествомъ, показать, съ одной стороны, неосновательность доводовъ въ пользу трупосожжания, а съ другой положительное преимущество общепринятаго обряда погребенія въ землѣ предъ нововводимымъ на Западѣ. Мы твердо увѣрены, что правильное рѣшеніе вопроса о сожжании труповъ человѣческихъ, помимо общаго своего значенія, во многихъ отношеніяхъ представляетъ особенную важность для пастырей православной Церкви Христовой, такъ какъ къ нимъ, въ случаяхъ безотчетнаго пробужденія симпатіи къ встрѣчающемуся на западѣ новому способу погребенія, всегда могутъ обратиться любознательные изъ насомыхъ съ вопрошеніемъ *словесе о упокоеніи* (1 Петр. 4, 15), въ надеждѣ услышать отъ нихъ здравый руководящій отзывъ, проникнутое научно-богословскимъ характеромъ убѣжденное слово.

*) Наука и жизнь, 1891 г. №№ 24—26; 1892 г. № 7; разновременныя сообщенія въ Новомъ времени, Сынѣ отечества, Биржевыхъ Вѣдомостяхъ Свѣтѣ, Нивѣ съ 1890 годовъ и др. слѣд.

**) Разумѣемъ здѣсь два реферата профессора Московскаго университета В. Богословскаго, изъ коихъ первый, «О кремации, какъ рациональномъ способѣ борьбы съ эпидеміями» въ заведеніи Общества охраненія народнаго здравія 4 апрѣля 1897 г. (на другой же день послѣ предложеннаго въ залѣ Синодальнаго училища — публичнаго чтенія протоіерей А. Смирнова на тему «Новый обрядъ погребенія умершихъ на Западѣ» см. въ ж. «Радость Христіанина», июль—августъ 1898 г.), а другой — въ аудиторіи Историческаго музея 17 марта 1898 г. подъ заглавіемъ:

Первоначальное возбужденіе на Западѣ вопроса о сожжании человѣческихъ труповъ, какъ погребенія, относится къ временамъ гуманизма и реформации». Подъ влияніемъ восхищенія многими учрежденіями классической древности гуманисты желали, между прочимъ, возстановить языческо-классическій обычай погребенія посредствомъ сожжания тѣла, встрѣчавшійся въ Греціи и у Римлянъ. Эту идею гуманистовъ намѣревались провести въ жизнь реформаторы, но безуспѣшно, встрѣтивши сильное противодѣйствіе въ благочестивомъ чувствѣ вѣрующаго христіанъ. Вопросъ о сожжании человѣческихъ труповъ впервые затѣмъ и съ энтузіазмомъ возобновился во Франціи временъ великой революціи 1789 года. Въ V году французской республики (21 брюмера 1796 г.) Леранъ d'Осси внесъ въ совѣтъ пятисотъ предложеніе ввести кремацию (отъ лат. *cremo*, сожигать) умершихъ людей; для устройства ея предлагалось приобрести 10 гектаровъ земли и окружить этотъ участокъ стѣной съ сдѣланными въ ней нишами для помѣщенія урнъ съ пепломъ сожженныхъ. Но совѣтъ отнесся къ предложенію несочувственно. Въ VI г. республики, 14 флореала Сенской департаментъ, по предложенію Камбры, рѣшилъ выстроить сожигательную для этого печь на Монмартрскомъ кладбищѣ. Въ VIII г. правительство Франціи повелѣло Институту предложить на конкурсъ тему о лучшихъ способахъ испепеленія труповъ. Было представлено сорокъ докладовъ, въ которыхъ авторы, между прочимъ, указывали на трудности, дороговизну рекомендованныхъ къ тому способовъ и т. под. Потомъ вопросъ объ этомъ, повидимому, былъ преданъ забвенію, не смотря на то, что въ теченіе войнъ 1810—14, 1870—71, въ силу самой необходимости приходилось прибѣгать къ сожжанию труповъ на поляхъ битвы.

«Погребеніе или сожжаніе?» (смот. Русск. Вѣдом. 1897 г. № 97). Во второмъ докладѣ г. Богословскій, приведя обычные, далеко неосновательные доводы противъ несимпатичнаго, по его мнѣнію, погребенія умершихъ въ землю, рѣшительно заявилъ, что «въ христіанствѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы говорили намъ, что сожжаніе является способомъ, противнымъ вѣрѣ и недостойнымъ». Въ такомъ же сочувственномъ тонѣ напечатана статья «Сожжаніе труповъ» въ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефропа, 60 полут. изд. 1900 г. 709—712 стр. Помнится, въ одной изъ частныхъ секцій 1-й нашей Государственной Думы уже были случайныя попытки поставить на очередь для обсужденія вопросъ о введеніи кремации, но дѣло заглохло... По сообщенію г. «Колоколъ» отъ 19 минувшаго августа, нѣкто Оппенгеймъ намѣренъ внести на разсмотрѣніе 3-й Государственной Думы вопросъ «объ устройствѣ крематоріума» — въ Петербургѣ. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» отъ 2 минувшаго сентября появилась даже вызывающая статейка: «Не пора ли сожигать мертвецовъ? — какъ будто во время осенней холеры въ Петербургѣ оказывалось недостаточно кладбищенскихъ мѣстъ для погребенія или будто малочисленъ штатъ услужливыхъ по погребенію лицъ!

Только въ послѣдней четверти XIX вѣка идея трупосо- жиганія получила нѣкоторую устойчивость, когда масонскія общества получили отъ правительства официальное признаніе это- го новшества. Кампанія открылась въ 1872 году. Въ 1874 г. Парижскій городской совѣтъ снова возбудилъ официально вопросъ о сожиганіи труповъ человѣческихъ, однако встрѣтилъ препятствіе въ гигіеническомъ совѣтѣ департамента Сены и въ французскомъ судебно-медицинскомъ обществѣ, которые высказались въ томъ смыслѣ, что сожиганіе труповъ дало бы возможность скрывать много преступленій. Городской совѣтъ тѣмъ не менѣе продолжалъ свою агитацію въ пользу введенія трупосожжения, пока не встрѣ- тилъ формальнаго veto со стороны министровъ юстиціи и внут- реннихъ дѣлъ. Тѣмъ временемъ кое-гдѣ въ государствахъ запад- ной Европы начали уже примѣнять трупосожиганіе; первая отклик- нулась на это Италия: тамъ начало этой операціи положено въ Миланѣ 22 янв. 1876 г., гдѣ устроена первая трупосожигатель- ная печь или крематорій. За Миланомъ послѣдовала Гота, и кре- маторій въ ней долгое время оставался единственнымъ въ Германіи.

Въ 1880 годахъ въ Дрезденѣ, Цюрихѣ, Готѣ, Лондонѣ и Парижѣ основались общества для распространенія идеи о трупосо- жиганіи, при чемъ въ числѣ членовъ—учредителей состояли видные ученые. Вопросъ о трупосожиганіи теперь сдѣлался пред- метомъ оживленныхъ дебатовъ на специальныхъ конгрессахъ пред- ставителей наукъ и увлекательныя рѣчи ихъ въ пользу новаго способа погребенія встрѣчены были сочувственно почти всюду на Западѣ. Въ 1885 г. городской совѣтъ Парижа отпустилъ потреб- ныя суммы для устройства трупосожигательной печи, и впервые во Франціи она открыта въ Парижѣ на кладбищѣ Pere Lachaise. Наконецъ въ мартѣ 1887 г., послѣ продолжительныхъ преній, и въ Сенатѣ прошелъ проектъ о дозволеніи сожигать умершихъ людей, при чемъ каждому, имѣвшему право составлять завѣщаніе, предоставлена свобода опредѣлять и способъ своего погребенія, т. е. или зарываніе въ землю или сожиганіе. Этотъ законъ вотированъ 15 ноября 1887 г. и обращенъ къ исполненію декре- томъ 27 апрѣля 1889 г., при чемъ во избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій и опасностей были указаны слѣдующія условія дозволенія трупосожиганія: а) прошеніе о томъ члена или пред- ставителя семьи съ указаніемъ мѣста, гдѣ будетъ сожженъ трупъ; б) свидѣтельство лечившаго врача, удостоверяющее о томъ, что смерть произошла отъ естественныхъ причинъ, и в) такое же удостовѣреніе врача, осматривающаго умершихъ. Съ тѣхъ поръ сожиганіе труповъ стало для нѣкоторыхъ потребностію моды и все болѣе и болѣе вводится въ обычай во Франціи; здѣсь обра-

зовалось даже особое общество подъ названіемъ Societe Francaise de cremation, которое издаетъ брошюры, бюллетени и газеты съ цѣлю пропагандированія своихъ идей. Въ 1892 г. это общество хлопотало объ обязательномъ сжиганіи всѣхъ холерныхъ труповъ, также во время всевозможныхъ эпидемій, и вмѣстѣ объ увеличе- ніи числа крематоріевъ. Общества для сжиганія труповъ человѣ- ческихъ постепенно умножаются въ западноевропейскихъ государ- ствахъ. На съѣздѣ британскаго союза врачей докторъ Спенсеръ Уильсъ указалъ на нѣкоторый успѣхъ трупосожиганія въ Англии, вычисливши, что тогда какъ въ 1885 г. здѣсь впервые сожжены были только 3, въ 1890 г. сожжено уже 54 трупа. Въ 40 ки- лометрахъ (37½ верстъ) отъ Лондона построены для этой цѣли грандіозный крематорій, на который герцогомъ Бедфортомъ пожерт- вовано 40 тысячъ рублей. Сожиганіе труповъ получило наиболѣе широкое распространеніе въ Италиі, гдѣ въ 1892 г. имѣлось 23 сожигательныхъ печи въ разныхъ мѣстахъ, — въ Миланѣ (гдѣ баронъ Келлеръ завѣщалъ громадную сумму денегъ на устройство крематорія), Римѣ, Туринѣ, Надуѣ, Флоренціи, Пизѣ и др. Велѣдъ за Италией устроили у себя крематоріи Швейцарія, Франція, Англія, Швеція и Норвегія; также Австрія, Данія, Бельгія, Гол- ландія и Соедин. Штаты Америки имѣютъ крематоріи. Въ Германіи въ 1891 г. впервые открыты три сожигательныя печи; но когда магистратъ Берлина въ 1893 г. испрашивалъ разрѣшеніе сжигать умершихъ жителей столицы, министры просвѣщенія, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ дали отрицательный отвѣтъ на эту просьбу. Изъ азіатскихъ странъ съ давнихъ временъ практикуется сожига- ніе труповъ въ Остѣ—Индіи, но лишь въ извѣстныхъ классахъ народонаселенія, и особенно въ Японіи. Въ столицѣ послѣдней Токио еще до 1898 г. ежедневно сожигали по меньшей мѣрѣ до 30 труповъ. Нѣкоторое понятіе о распространенности сожиганія труповъ въ разныхъ мѣстахъ могутъ дать слѣдующія цифры: *) во Франціи до конца 1885 г. сожжено всего 7 труповъ; въ 1889 г. — 735; до середины 1890 г. — 2057; со времени устрой- ства второго крематорія тамъ ежегодно сжигается до 4000 труповъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіе 1881—84 г.г. было сож- жено всего 40 труповъ, а за одинъ 1892 г. — 513. Въ Готѣ до конца 1888 г. было всего трупосожиганій 554, въ Италиі 998, въ Америкѣ 287, въ Швеціи 39, въ Англии 16. Съ тѣхъ поръ число печей и сожженныхъ въ нихъ умершихъ людей постепенно

*) Цифровыя данныя взяты частію изъ Словаря Брокгауза, 60 полут., частію изъ статьи прот. А. Смирнова въ ж. «Радость Христіани- ва», 64 ст.

увеличилось. Для кремации нынѣ *) существуетъ въ Италіи 27 заведеній, въ Соединенныхъ Штатахъ 20, въ Германіи 6, во Франціи 3 (въ Парижѣ, Руанѣ и Реймѣ). До послѣднихъ времени приверженцы кремации прилагаютъ всѣ мѣры къ усиленію своей пропаганды, собирая митинги, устраивая усовершенствованныя печи на общественный счетъ (какъ въ Бергенѣ, Норвегіи и Скандинавіи въ 1908 г.) и на средства частныхъ лицъ, назначая преміи за лучшія сочиненія по этому вопросу и уже довольно обширная литература по нему существуетъ на французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ языкахъ: Словомъ, какъ представляютъ корреспонденты современныхъ газетъ и журналовъ, сожиганіе труповъ находится на краю всемірнаго введенія **).

Соотвѣтственно заявившимся въ позднѣйшія времена потребностямъ для удовлетворенія ихъ пришла на помощь механика, представители которой не замедлили выработать для испепеленія труповъ человѣческихъ образцовыя печи, и въ коихъ болѣе принятый нынѣ типъ таковъ. Въ противоположность древнему римскому обычаю сжигать умершихъ лишь на кострѣ, въ настоящее время ***) уже не пользуются собственно пламенемъ, получаемымъ при сгораніи топлива, а пользуются высокой температурой, которая получается, когда продукты неполнаго сгаранія (окись углерода, углеводороды и т. д.) воспламеняются при наличности кислорода воздуха. Возникающее при такихъ условіяхъ пламя непосредственно не утилизируется для сожиганія труповъ: оно служитъ только для нагреванія печи, огнеупорныя стѣнки которой при этомъ накаляются до бѣла. По достиженіи этого посредствомъ особыхъ клапановъ прекращается доступъ горячихъ газовъ и пламени во внутреннюю часть печи, куда теперь поступаетъ только атмосферный воздухъ, настолько нагреваемый при прохожденіи чрезъ раскаленные стѣнки, что онъ, попадая въ камеру, гдѣ совершается сожиганіе, имѣетъ температуру свыше 1000°. Въ эту жгучую камеру, по окончаніи церковнаго цере-

*) Dictionnaire de Theologie Catholique, A. Vacant et E. Margenot, 1908. Paris. Cremation, 2319 pag.

**) «Лишь у насъ въ Россіи сожиганіе труповъ пока еще совершенно неизвѣстно: мысль хотя бы о факультативномъ введеніи его встрѣчаетъ большія препятствія, главнымъ образомъ, съ религіозно-обрядовой, отчасти и съ юридической точки зрѣнія: Не подлежитъ однако сомнѣнію, что при томъ сравнительно быстромъ ростѣ народонаселенія, который наблюдается въ Россіи, этотъ вопросъ, въ силу санитарно-экономическихъ условій, рано или поздно самъ собою выдвинется». Такъ представляется легкомысленному автору статьи, помѣщенной въ Словарѣ Брокгауза, полут. 60, стр. 709.

***) См. объ этомъ тамъ же, 710 стр.

моніала отпѣванія, съ помощью механическихъ приспособленій, приводится или опускается гробъ съ трупомъ, при чемъ желающимъ предоставлена возможность чрезъ небольшое безопасное окно наблюдать за процессомъ сожиганія. Безстрашный зритель изъ любителей сильныхъ ощущеній можетъ здѣсь увидѣть ужасную или, вѣрнѣе, отвратительную картину. При господствующей въ камерѣ высокой температурѣ, деревянный гробъ исчезаетъ моментально, цинковый чрезъ нѣсколько минутъ, ибо цинкъ плавится уже при 200 - 230°; послѣ этого трупъ падаетъ на дно камеры, на прутья изъ огнеупорной глины (колоеники) и, охваченный со всѣхъ сторонъ сильно нагрѣтымъ воздухомъ, быстро распадается на отдѣльныя части и постепенно превращается въ пепель, который, въ силу своей тяжести, черезъ узкіе промежутки между упомянутыми прутьями попадаетъ въ зольникъ, тогда какъ болѣе легкая зола гроба, одежды, цвѣтовъ, вѣнковъ и т. д. улетучивается, вълѣдствіе существующей въ печи сильной тяги. Попавшій въ зольникъ пепель, состоящій главнымъ образомъ изъ фосфорно-кислаго кальция и вѣсящій въ среднемъ отъ 3¹/₂ до 5 фунтовъ, помощью особыхъ приспособленій, безъ прикосновенія руками, собирается въ металлическую урну, которая тутъ же запаивается и поставляется въ особое назначенное для храненія праха отдѣленіе, называемое колумбаріемъ. Изъ существующихъ печей нынѣ считаются болѣе удовлетворяющими программѣ, установленной для этого первымъ европейскимъ конгрессомъ, печи Сименса, Туазуля и Фраде, Клингенстгерна. Весь процессъ трупосожиганія, въ зависимости отъ болѣе или менѣе совершенной конструкціи печей, продолжается отъ 45 минутъ до 1¹/₂ часа или до 2 часовъ.

На какихъ же, спрашивается, основаніяхъ хотѣть утвердить видѣ практикуемый на Западѣ этотъ своеобразный способъ погребенія человѣческихъ труповъ? Защитники трупосожиганія въ оправданіе необходимости и полезности этого нововведенія представляютъ доказательства разнообразныя, какъ-то: данныя древней исторіи, гигиены, даже Библии. Въ виду этого вопросъ о сожиганіи труповъ человѣческихъ мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть по возможности всесторонне, а именно: съ точки зрѣнія древней исторіи, современно-гигиенической, общественно-экономической, съ правительственной точки зрѣнія и православно-богословской. Прежде всего, что свидѣтельствуютъ несомнѣнныя данныя древней исторіи, въ области которой приверженцы сожиганія человѣческихъ труповъ съ увѣренностію указываютъ основанія для признанія болѣе древности за этимъ обычаемъ сравнительно съ зарываніемъ въ землю?

Обращаясь къ исторіи древнихъ народовъ и къ археологіи, мы находимъ здѣсь многія свидѣтельства за то, что первоначальнымъ и болѣе общимъ обычаемъ древнихъ народовъ было не сожженіе, а преданіе тѣлъ умершихъ людей землѣ, или т. н. ингуманация (отъ лат. humus земля). Древнѣйшій изъ народовъ — еврейскіи и всегда умершихъ членовъ своихъ предавали землѣ, слѣдующаго Божію опредѣленію, что тѣло образованное изъ земли должно по смерти возвратиться въ землю (Быт. 3, 19. ср. Еккл. 12, 7). Относительно патриархальныхъ временъ послѣдующаго періода несомнѣнно извѣстно, что умершіе были погребены родственниками въ гробахъ (Быт. 23, 2—4. 19; 25, 9; 35, 29; 49, 29—31 и др.), и этотъ древній обычай Моисей облекъ въ форму положительнаго закона. Между евреями существовалъ при этомъ обрядъ бальзамированія умершихъ, хотя не былъ общимъ. Тѣло патриарха Іакова по повелѣнію Іосифа было набальзамировано врачами египетскими и положено во гробъ въ Египтѣ и затѣмъ отнесено въ пещеру Махпелу въ Ханаанъ и тамъ погребено (Быт. 50, 2. 13). Іосифъ при кончинѣ своей сдѣлалъ такое же завѣщаніе о костяхъ своихъ (Быт. 50, 25—26; Евр. 11, 22), и по смерти его тѣло набальзамированное взято евреями съ собою при выходѣ изъ Египта и перенесено въ землю Ханаанскую (Исх. 13, 19). Для погребенія умершихъ въ землѣ еврейскіи назначали особыя кладбища — общественныя и частныя (Быт. 23, 4; Суд. 8, 32; 2 Цар. 21, 14; Іер. 26, 23), обыкновенно въ садахъ (4 Цар. 21, 18), а иногда въ поляхъ (Быт. 23, 11), или въ пещерахъ, или въ скалахъ. У евреевъ погребеніе умершихъ въ землѣ всегда признавалось священной обязанностію (Сир. 38, 16), быть же непогребеннымъ считалось у нихъ крайнимъ безчестіемъ (1 Цар. 17, 46; 4 Цар. 9, 10; Іер. 22, 18—19). Сожигать тѣла умершихъ людей не было въ обычаѣ у еврейскаго народа. Только трупы блудницъ и осужденныхъ преступниковъ у древнихъ евреевъ сожигались какъ бы въ видѣ исключенія (Быт. 38, 24; Лев. 20, 14; 21, 9; Ис. 30, 30), при чемъ сжиганіе имѣло значеніе особенно позорной казни. Примѣръ сожиганія тѣлъ умершихъ въ народѣ еврейскомъ видимъ только въ 1 книгѣ Царствъ (31, 12), именно: трупы перваго еврейскаго царя Саула и его сыновей были ночью въ Веоинѣ со всѣми почестями сожжены жителями города Іависа Галаадскаго. Въ виду того, что въ этомъ фактѣ защитники трупосожиганія склонны находить подтвердительный для себя примѣръ, нельзя не сказать, что въ данномъ случаѣ былъ примѣненъ необычный у евреевъ способъ погребенія по самой нуждѣ, такъ какъ они не могли унести тѣла разложившіяся трупы

на мѣста погребенія въ родовой ихъ могилѣ, и особенно съ тою цѣлью, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшимъ надъ трупами надругательствамъ со стороны филистимлянъ; однако, и по сожженіи костей ихъ останки погребены послѣ въ дубравѣ (1 Цар. 31, 12—13). Послѣ времени Саула еврейскіи продолжали держаться своего древнѣйшаго обычая погребенія умершихъ, и напрасно нѣкоторые и даже съ упорствомъ утверждаютъ, будто въ періодъ царей сожиганіе человѣческихъ труповъ считалось у этого народа почетнымъ погребеніемъ, бывъ назначаемо для царей и знатныхъ гражданъ. Такъ ссылаются на то, что, по извѣстію 2 книги Паралипоменонъ, трупъ іудейскаго царя Асы въ знакъ особенной почести былъ положенъ на костеръ и сожженъ со множествомъ благовоній (16, 14); напротивъ, какъ о большомъ безчестіи упоминается ниже (21, 18—19) о лишеніи этого будто бы почетнаго погребенія для трупа іудейскаго царя Іорама. Между тѣмъ въ первомъ мѣстѣ указывается лишь на обрядъ сожженія благовоній, — справедливость какого пониманія ясно подтверждается самими переводами подлиннаго еврейскаго текста: халдейскимъ, греческимъ LXX, французскимъ переводомъ Остервальда, нашимъ синодальнымъ переводомъ: «и похоронили его (Асу) въ гробницѣ, которую онъ устроилъ для себя въ городѣ Давидовомъ, и положили его на одрѣ, который наполнили благовоніями и разными искусственными мастями и сожгли (не его, а) ихъ для него великое множество». О погребеніи же царя Іорама читаемъ въ русскомъ переводѣ такъ: «онъ умеръ въ жестокихъ страданіяхъ, и не сожегъ для него народъ его благовоній, какъ дѣлалъ то для отцовъ его». Что касается своеобразнаго со стороны защитниковъ трупосожиганія толкованія 5 стиха 34 главы книги пр. Іереміи, то текстъ этого мѣста слѣдующій: «ты (Седекія, царь іудейскій) умрешь въ мирѣ и какъ для отцовъ твоихъ, прежнихъ царей, ... сожигали при погребеніи благовонія, такъ сожгутъ ихъ и для тебя». Въ этихъ словахъ толкователи согласно и справедливо видятъ пророческое предуказаніе на то, что послѣдній долгъ царю Седекіи, его смертнымъ останкамъ будетъ отданъ чрезъ сожженіе благовоній. Правда, въ книгѣ пр. Амоса, повидимому, прямо упоминается о сожигателѣ (6, 9—10), но имѣется въ виду сожигатель не труповъ людскихъ, а также обычныхъ при погребеніи благовоній. Однакоже Розенмюллеръ утверждаетъ, что еврейскіи при похоронахъ сожигали не самыя мертвыя тѣла, а только благовонія, можетъ быть, по замѣчанію Кимхи, и самый одрѣ, на которомъ трупъ полагался для отнесенія въ могилу. Такъ по разсмотрѣніи выше-

означенныхъ мѣсть св. писанія *) слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, утверждать, что трупосожиганіе отнюдь не представляло почетнаго способа погребенія, какъ никогда оно не было въ обычаѣ у ветхозавѣтнаго еврейскаго народа, отъ котораго сохранилось доселѣ множество гробницъ въ сосѣдствѣ настоящаго Іерусалима, въ т. н. Іосафатовой долины, также близъ еврейскихъ жилищъ—фамильные склепы для погребенія умершихъ. Замѣчательно, что нынѣшніе евреи рѣшительно протестуютъ противъ западнаго нововведенія, каковой протестъ ихъ исходитъ изъ единственнаго желанія точно согласоваться съ древнѣйшимъ общепринятымъ и у раввиновъ преданіемъ о погребеніи умершихъ въ землѣ, какъ первоначальномъ обычаѣ; этотъ же обычай естественно удержался и въ ново-завѣтной церкви, какъ и Іосифъ Аримаѣйскій похоронилъ тѣло распятаго Іисуса Христа въ новой погребальной пещерѣ въ саду (Іоан. 19, 41—42). Христіанская церковь освятила зарываніе умершихъ въ землю ненарушимой практикой съ самаго своего основанія. Въ первые три вѣка христіане, не имѣя возможности по причинѣ гоненій, обставлять погребеніе своихъ умершихъ особыми церемоніями и обрядами, немедленно по смерти ихъ переносили съ опасностію для своей жизни, большею частію ночью, въ мѣста погребеній и съ благоговѣніемъ погребали наскоро, въ страхѣ. Лишь въ рѣдкіе промежутки между гоненіями устраивали гробницы для умершихъ, особенно для мучениковъ въ загородномъ мѣстѣ и въ этихъ усыпальницахъ вѣрующіе собирались для молитвъ и совершенія св. Евхаристіи. По свидѣтельствамъ Евсевія, І. Златоуста и Григорія Богослова, у древнихъ христіанъ существовалъ при этомъ обычай бальзамировать тѣло умершаго. Еще извѣстно, что даже до императора Константина В. существовалъ въ христіанской церкви классъ могильщиковъ (*fossorae, coriatae*), причислявшихся къ должностнымъ лицамъ ея, — на обязанности же могильщиковъ было изготовленіе могилъ въ крѣпкахъ и подземныхъ коридорахъ. Какъ существованіе римскихъ катакомбъ и впоследствии процвѣтаніе церковей и монастырей среди кладбищъ (усыпальницъ), одинаково и церковныя древнія молитвы въ чинѣ погребенія умершихъ (изъ нихъ же «Боже духовъ всякія плоти, смертію смерть поправый»... составлена не позже IV вѣка) указываютъ также на зарываніе въ землю, какъ на обычный способъ погребенія христіанъ. И церковь православная въ этомъ пунктѣ обрядовомъ, не говоря уже о вѣро—и нраво

*) Въ 30, 27, 33; 12—14; 66, 24. Неинъ рѣчь, очевидно, идетъ метафорическая—объ обнаруженіи суда Божія въ наказаніи нечестивыхъ огнемъ, которое на востокъ назначалось лишь для отчаянныхъ злодѣевъ живыхъ

—ученіи, является донинѣ вѣрною хранительницею первоначальныхъ завѣтовъ христіанства.

Но тогда какъ у евреевъ (равно и у китайцевъ) съ самыхъ древнихъ временъ былъ въ употребленіи несомнѣнно одинъ только способъ погребенія, именно зарываніе въ землю, у языческихъ народовъ древности на ряду съ этимъ прибѣгали и къ сожиганію, какой обычай постепенно привился и даже получилъ перевѣсъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ. По извѣстіямъ ученаго Я. Гримма, сожиганіе труповъ человѣческихъ привилось главнымъ образомъ у кочевыхъ и воинственныхъ народовъ, а погребеніе въ землю напротивъ—у земледѣльческихъ. «Какого иного погребенія, говоритъ онъ, могъ пожелать для себя побѣдитель, какъ не сожженія, при торжественной обстановкѣ, предъ лицомъ народа? Ведущему уединенный образъ жизни земледѣльцу на оборотъ наиболѣе приличествовало скромное погребеніе въ тѣсномъ обиталищѣ; кто сбѣжалъ съмя въ землю, тому подобало и самому быть предану землѣ»*). Но не слѣдуетъ забывать, что и при введеніи сожиганія погребеніе въ землю соблюдалось еще у воинственныхъ народовъ и не только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. при погребеніи павшихъ при Платеѣ (въ 419 г. до Р. Хр.) и Марафонѣ (490 г.) или при погребеніи (по словамъ Софокла) Антигоной останковъ Полиника, но и въ обыкновенныхъ частныхъ случаяхъ, какъ видно изъ предложенія философу Сократу: «что онъ предпочитаетъ—погребеніе въ землю или сожженіе?» (Федонъ, соч. Платона). Вѣрнѣе полагать, что у языческихъ народовъ древности тотъ или иной способъ погребенія умершихъ людей опредѣлялся извѣстнымъ представленіемъ ихъ о смерти и загробной жизни, находясь въ тѣсной связи съ основными началами религіи и древними преданіями. Такъ древніе индусы трупы своихъ ближнихъ отдавали тремъ стихіямъ, олицетворявшимъ три божества: Брамю, Вишну и Сиву; трупы или зарывали въ землю, или бросали въ священныя рѣки или же сожигали на кострѣ. Выборъ того или другого способа похоронъ у индусовъ, равно у ламантовъ Тибета и Бутана, зависѣлъ отъ жреца или, точнѣе, отъ уставовъ

*) Труды корол. академіи наукъ въ Берлинѣ, 1849 г. стр. 196.— Между тѣмъ, по представленію М. Блауберга (Словарь Брокгауза, 60 полут., 708 стр.), «выборъ того или другого погребенія нерѣдко зависѣлъ отъ мѣстныхъ чисто топографическихъ условій, при чемъ въ Палестинѣ (будто бы!) въ силу экономическихъ соображеній преимущественно пользовались зарываніемъ въ землю; сожиганію подвергались лишь трупы царей и знатныхъ гражданъ... Въ древней Греціи сожиганіе труповъ предпочиталось зарыванію; но съ уничтоженіемъ лѣсовъ этотъ способъ погребенія постепенно былъ замѣняемъ зарываніемъ труповъ въ землю».

того въроисповѣданія, къ которому принадлежалъ покойный; однако же сиваисты зарывали своихъ мертвецовъ, хотя символъ Сивы — огонь, между тѣмъ брамины сожигали. По извѣстію Лукіана, персы древніе и мидяне умершихъ своихъ хоронили въ землю. Практиковалось у позднѣйшихъ персовъ и сожженіе умершихъ, но З. Авеста враждебно относилась къ этому, потому что огонь считался священнымъ и соприкосновеніе его съ тѣломъ признавалось оскверненіемъ. У китайцевъ тѣло мертвеца по омовеніи полагалось во гробъ и зарывалось въ землѣ. У древнихъ египтянъ зарывали умершихъ въ землю; при этомъ существовало возведенное правителями въ законъ бальзамированіе труповъ человѣческихъ и превращеніе ихъ въ муміи, въ чемъ выразительно обнаруживалось стремленіе посредствомъ человѣческаго искусства сохранить тѣло отъ разложенія. Между тѣмъ египетскіе цари для легчайшаго отшествія въ міръ боговъ были сожигаемы и въ роскошной обстановкѣ. По свидѣтельству классическихъ писателей, у древнихъ грековъ микенскаго періода считалось древнѣйшимъ обычаемъ погребеніе въ землѣ, а не сожженіе труповъ. «Погребальныя обряды исторической Греціи и самые законы государствъ не имѣютъ отношенія къ обычаю сожиганія, которое оставляетъ отъ тѣла только горсть пепла» (Diction. Yasant, 2313). Древній обычай у грековъ погребенія въ землѣ объясняется въроисповѣданіемъ въ то, что таинственное существо (человѣкъ) продолжаетъ въ могилѣ вести жизнь, аналогичную здѣшной. Чувство человѣчности требовало, чтобы мертвецъ былъ положенъ въ землю, которая снова принимаетъ его въ свое лоно, какъ мать—дитя, которому дала жизнь, почему греки называли мертваго *θηρηνος*, т. е. принадлежащій матери. Цѣлыя греческія общества, какъ, напр., приверженцы Елевзинскихъ мистерій, Пифагорейцы, по принципу отвергали сожиганіе труповъ. Но во время Троянской войны и послѣ нея у Грековъ стало практиковаться сожженіе труповъ, которое признавалось даже почетнымъ погребеніемъ; но введеніе кремациі въ эпоху Гомеровской эпопеи, какъ оказалось по раскопкамъ, далеко не замѣнило зарыванія въ землю. Въ классическую эпоху Греція продолжала оставаться вѣрною древнѣйшему способу погребенія. Законъ въ Афинахъ предписывалъ зарывать въ землю случайно найденныя трупы. У римлянъ было два рода погребенія: они или зарывали въ землю тѣла умершихъ или подвергали ихъ сожженію, какъ на это указываютъ и данныя археологическихъ раскопокъ на эсквилинскомъ холмѣ*) и свидѣтельства римскихъ писателей. Но по свидѣтельствамъ Цицерона (De legibus 11, 22, 26)

*) Погребальныя обряды у римлянъ, И. Цвѣтаева, въ Русс. Вѣстн. 1887 г. январь, 193 стр.

и Плинія (I. VII, 44) несомнѣнно, что у римлянъ первоначальнымъ обычаемъ было погребеніе въ землю, и оба они, говоря о наибольшей древности послѣдняго способа, указывали на то, что чрезъ зарываніе тѣло естественно возвращается землѣ и землею, какъ матерью, покрывается. Отсюда у древнихъ римлянъ сложились дошедшія до насъ прекрасныя присловія въ обращеніи къ погребаемому въ землѣ; *Sit tibi terra levis! Ne gravis esse velis! Ut levis ossa tegas! Molliter ossa cubent! Amica tellus ut des hospitum ossibus!**) Извѣстно также, что нѣкоторые знатные роды римскіе предпочитали погребеніе въ землѣ и въ такую пору, когда сожженіе практиковалось во всей своей силѣ. Таковъ напр. родъ Корнеліевъ съ его знаменитыми въ римской исторіи Циционами и другими славными представителями, и изъ этой фамиліи Сулла первый велѣлъ сжечь свое тѣло по смерти; но и онъ сдѣлалъ это распоряженіе, можетъ быть, изъ опасенія, чтобы врачи его точно такъ же не насмѣялись надъ его трупомъ, какъ онъ самъ опозорилъ трупъ полководца Марія, приказавъ вырыть его изъ земли и разметать его кости. Сожженіе труповъ, практиковавшееся въ историческое время на ряду съ зарываніемъ въ землю, тѣмъ не менѣе брало все болѣе и болѣе перевѣсъ, вошло въ моду сперва у знатныхъ лицъ и въ вѣкъ республики и первыя столѣтія римской имперіи стало общеупотребительнымъ способомъ погребенія. Лишь съ эпохи Антониновъ (138—180 г.) и особенно позже въ III и IV вѣкахъ, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей о загробной жизни, сожженіе труповъ употреблялось рѣже и рѣже и потомъ совсѣмъ было оставлено, уступивъ погребенію въ землю. Такъ писатель конца IV и начала V в. Макоробій говоритъ, что обычай сожженія умершихъ уже чуждъ египтянамъ. Стоитъ обратить вниманіе на то, что въ ряду погребальныхъ обрядовъ у римлянъ существовало обязательное посыпаніе землею, и этотъ актъ считался неизбѣжнымъ и при сожженіи умершихъ. Еще у римлянъ же былъ обычай — у трупа, предназначеннаго къ сожженію, отрѣзывать, до выноса его изъ дома, какую нибудь часть тѣла, вѣроятно же всего — палецъ, и потомъ закапывать то въ землю отдѣльно, по окончаніи сожженія тѣла. Въ этомъ обрядѣ одинаково нельзя не видѣть отзвукъ преданій о той древней порѣ, когда трупосожиганіе еще не существовало у латинскаго племени и всѣ умершіе были погребаемы въ землѣ, безъ исключенія. Позднѣе появившаяся форма погребенія чрезъ сожженіе считалась недостаточною безъ соблюденія означеннаго

*) «Да будетъ тебѣ земля легкимъ покровомъ! Ты не будь тяжела (земля)! — чтобы тебѣ легко покрыть кости. Да покоятся кости нѣжно! Любезная земля! дай убѣжище костямъ!»

обряда, служившаго символическимъ изображеніемъ погребенія въ собственномъ смыслѣ, и только съ соблюденіемъ этой церемоніи семейство сожженного покойника считало себя исполнившимъ свой послѣдній долгъ къ нему. У германцевъ, по сказанію Тацита, было принято также сожиганіе труповъ. По изслѣдованіямъ Гримма, оно было въ употребленіи у швабовъ, баварцевъ, бургундовъ, лангобардовъ, тюрингенцевъ, саксовъ и англосаксовъ.

У отдаленнѣйшихъ нашихъ предковъ — славянъ древнихъ изстари существовали два рода погребенія мертвыхъ. Трупы иногда сожигались и пепель складывался въ урны (въ видѣ сосуда или домика), которыя закапывались въ землю и обложены были и прикрыты камнями, иногда же, и преимущественно въ послѣднюю эпоху язычества, зарывались прямо въ землю въ полномъ одѣяніи покойника вмѣстѣ съ его оружіемъ и утварью, или же полагались въ гробахъ, расположенныхъ ровными рядами. Препод. Несторъ, между прочимъ, говоритъ о радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ: «аще кто умираше, творяху тризну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику и возложатъ на кладу мертвеца и сожигаху, и по семъ собравше кости влагаху въ сосудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ; се же творятъ вятичи нынѣ,*) т. е. въ XI вѣкѣ. Что оба рода погребенія существовали у балтійскихъ славянъ, поляковъ, литовцевъ (особенно на Жмуди) и языческихъ чеховъ, свидѣтельство о томъ находится у древнѣйшихъ и позднѣйшихъ писателей.»*) Была пора, когда у балтійскихъ славянъ русскихъ и польскихъ несомнѣнно существовалъ заимствованный отъ скандинавовъ обычай сожигать женъ въ мѣстѣ съ мужьями, — объ этомъ упоминаетъ св. Бонифатій въ письмѣ отъ 745 г., арабскій путешественникъ X вѣка Масуди, также Ибнъ-Фоцланъ въ 921—22 г., собиравшій на Волгѣ свѣдѣнія объ образѣ жизни русскихъ, равно Я. Гриммъ***). На конгрессѣ доисторической археологіи въ Москвѣ (въ августѣ 1892 г.) профессоръ Сизовъ, демонстрируя коллекціи моделей раскопанныхъ кургановъ и могильниковъ, познакомилъ присутствовавшихъ въ засѣданіи съ главнѣйшими типами погребальныхъ сооружений, встрѣчавшихся въ Россіи, при чемъ на основаніи раскопокъ профессоръ пришелъ къ тому выводу, что въ Россіи сожиганіе умершихъ древнѣе погребенія въ землю и что трупосожженіе практиковалось славянами въ широкихъ размѣрахъ.

*) Росл. Лѣтописецъ по Кенигсбергскому списку, изд. 1863 г. 13 стр.

**) Себаст. Мунстеръ въ своей Космографіи—о Жмуди, Алекс. Гвагвини—о Литвѣ и др.

***) Въ соч. *Über das Verbrennen der Leichen*, 49 p.

Можно полагать, что сожиганіе труповъ въ отдаленной языческой древности явилось во времена продолжительныхъ войнъ— въ силу самой необходимости сколько изъ опасенія осеверненія могилъ врагами, столько же изъ предусмотрительной осторожности относительно возможности зараженія при перенесеніи убитыхъ въ отдаленныя гробницы предковъ, а также по случаю эпидемическихъ болѣзней, бывшихъ во время войны. Введенію и затѣмъ укорененію обычая трупосожиганія у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ языческихъ, безъ сомнѣнія, много способствовали религіозныя ихъ вѣрованія въ очищеніе души и тѣла пламенемъ костровъ, вѣра въ общее сожженіе міра и т. под. Съ развитіемъ религіозныхъ обрядовъ, когда въ честь боговъ стали сожигать жертвы и огонь считался священнымъ элементомъ, естественно къ этому присоединилось желаніе, чтобы остатки мертвыхъ возносились въ столпахъ пламени и дыма въ высоту къ богамъ въ родѣ жертвы. Черезъ сожженіе умершихъ душа ихъ, предполагалось, вѣрнѣе всего достигала небесныхъ жилищъ. Такимъ образомъ, сожигавшіе своихъ покойниковъ древніе поклонники огня и свѣтилъ небесныхъ отдавали любимыя тѣла непосредственно тому, кого какъ божество они еще болѣе любили. Отсюда-то жена, предавая трупъ своего мужа огню, и сама охотно спѣшила сгорѣть одновременно съ прахомъ любимаго существа: черезъ этотъ священный актъ она какъ бы видимо входила въ неразрывное общеніе съ мужемъ и божествомъ.

На основаніи представленныхъ данныхъ древней исторіи вытекаетъ то заключеніе, что обычай предавать умершихъ землѣ слѣдуетъ признать первоначальнымъ способомъ погребенія, несомнѣнно болѣе древнимъ, чѣмъ обычай сожигать тѣла умершихъ, съ давнихъ временъ существовавшій у нѣкоторыхъ языческихъ народовъ, преимущественно у кочевыхъ и воинственныхъ и подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій, при чемъ большая часть образованныхъ народовъ языческой древности не были трупосожигателями, а торжественно совершали погребеніе умершихъ черезъ преданіе землѣ. Также у многихъ варварскихъ народовъ погребеніе въ землѣ предшествовало обычаю сожиганія труповъ, при чемъ у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ и по сожженіи трупа были совершаемы пышные обряды, изображавшіе погребеніе въ землю, — въ чемъ нельзя не усматривать косвенное указаніе на древнѣйшій обычай погребенія — черезъ зарываніе въ землю. Вмѣстѣ съ этимъ нельзя не отмѣнить и тотъ несомнѣнный историческій фактъ, что какъ только у языческихъ извѣстныхъ народовъ, у которыхъ существовалъ обычай сожигать тѣла умершихъ, вводилось христіанство съ его мощнымъ вліяніемъ на жизнь и нравы язычниковъ,

тамъ прекращался этотъ обычай и замѣнялся болѣе сообразнымъ съ духомъ христіанства первоначальнымъ обычаемъ — зарываніемъ въ землю. Сожиганіе же тѣлъ умершихъ признавалось уже языческимъ обычаемъ, которому въ Германіи Карлъ Великій положилъ конецъ, запретивши его подѣ страхомъ смертной казни, и нѣмецкій народъ съ тѣхъ поръ привыкъ къ зарыванію труповъ въ землю и даже настолько, что въ настоящее время въ Германіи агитація въ пользу трупосожженія встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе.

Желая возвратить современное человѣчество къ практиковавшемуся у нѣкоторыхъ народовъ языческой древности способу погребенія, западные ученые защитники трупосожженія выставляютъ въ пользу нововведенія разнообразныя, на первый взглядъ вѣскія, основанія научнаго характера. Такъ врачи склонны отстаивать огненное превращеніе труповъ въ пепелъ по соображеніямъ гигиеническимъ. По ихъ представленію, при трупосожженіи совершается въ часъ или немного болѣе тотъ же процессъ исчезновенія, какому трупъ подвергается и въ землѣ чрезъ гніеніе и тлѣніе, но въ нѣсколько годовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ судьба нашихъ смертныхъ останковъ одна и та же, между тѣмъ неодинаковому отъ нихъ вліянію подвергаются оставшіеся въ живыхъ люди. Если бранные останки умершихъ людей будутъ соединяться съ окружающимъ міромъ путемъ сожженія, тогда, говорятъ, вреда въ гигиеническомъ отношеніи не будетъ принесено никому изъ живыхъ: очень высокая температура кремаціонной печи обезпечиваетъ уничтоженіе всякихъ вредныхъ микробовъ въ трупахъ умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней. Подвергаясь же гніенію и тлѣнію въ землѣ, трупы человѣческіе, по увѣренію врачей — санитаровъ, могутъ причинить громадный вредъ живымъ людямъ, такъ какъ исходящіе изъ могилъ газообразные продукты разложенія труповъ производятъ зараженіе окружающей атмосферы, а это незамѣтно но разрушительнымъ образомъ будетъ вліять на организмъ живыхъ людей, сопровождаясь постепеннымъ сокращеніемъ періода ихъ жизни и даже эпидеміями. Какъ главный доводъ въ пользу трупосожженія сторонники его и выставляютъ преимущественно эти будто — бы величайшія опасности, которыя возникаютъ отъ погребенія умершихъ на кладбищахъ, указывая на то, что газообразными, жидкими и плотными продуктами трупнаго разложенія естественно заражаются не только воздухъ, но особенно почва и почвенная вода, и при помощи патогенныхъ микробовъ, попавшихъ въ почву вмѣстѣ съ покойниками, умершими отъ той или другой заразной болѣзни, является возможность быстрого среди окрестныхъ жителей распространенія инфекціонныхъ болѣзней. Относительно таковой опасности кладбищъ для общественнаго

здоровья, такъ аргументируетъ современный профессоръ Вергнеръ*) „Чрезъ гніеніе труповъ въ почвѣ отравляется грунтовая вода, а съ ней и вода въ колодцахъ въ населенныхъ мѣстахъ, и воздухъ надъ гробами. Отъ этого отравленія происходятъ всевозможныя эпидемическія болѣзни, особенно тифъ, диссентерія, холера и распространяются другія болѣзни, заразныя начала которыхъ могли вмѣстѣ съ трупомъ проникнуть въ почву. Это основаніе главнымъ образомъ можетъ располагать большую часть публики, интересующейся дѣломъ, въ пользу сожиганія труповъ. Можно вполне разсчитывать, что если трупы, вмѣсто того, чтобы долгое время гнить въ землѣ, быстро за одинъ приемъ будутъ разлагаться на свои органическія начала, то исчезнутъ и всѣ тѣ опасности, которыя вполне справедливо происходятъ отъ дѣйствія продуктовъ гніенія на живыхъ“. Несомнѣнно, что основаніе для такихъ взглядовъ давали неправильное веденіе кладбищенскаго дѣла, переполненіе кладбищъ трупами, въ особенности существованіе общихъ могилъ, куда трупы полагались не только десятками, но даже сотнями (какъ было на парижскихъ кладбищахъ). Однако справедливость, безпристрастіе требуетъ сказать, что утвержденіе о вредномъ въ гигиеническомъ отношеніи вліяніи кладбищъ страдаетъ большимъ преувеличеніемъ и притомъ встрѣтило сильную себѣ оппозицію со стороны знаменитѣйшихъ ученыхъ въ Италіи (Петтенкоферъ, ученикъ Либиха, Пизани, Родольфи, Мантегацца), Франціи (Лакассанъ, Дюбуиссонъ, Бушарда и др.), Берлинѣ (даже Багинскій, горячій приверженецъ кремаціи) и въ Россіи (Колодезниковъ, Клементьевъ и др.).

Прежде всего, что касается газовъ, возникающихъ при разложеніи труповъ, то они являются послѣдствіемъ гніенія или тлѣнія его. Въ первомъ случаѣ газы представляютъ смѣсь изъ углекислоты, водорода, сѣрнстаго водорода, болотнаго газа, амміака и нѣкотораго количества пахнущихъ газообразныхъ веществъ; во второмъ же случаѣ (при тлѣніи) выдѣляется почти одна углекислота. При этомъ почвенный воздухъ, окружающій трупъ, лишается части своего кислорода. Подобная газовая смѣсь, накопившаяся въ какой нибудь общей могилѣ или въ плотно закрытомъ склепѣ, можетъ сдѣлаться причиной остраго отравленія людей. Но тѣ же самые газы, въ томъ видѣ, въ которомъ они обыкновенно встрѣчаются на кладбищахъ, т. е. сильно разведенные почвеннымъ или атмосфернымъ воздухомъ, безъ сомнѣнія,

*) См. 79—80 стр. ж. «Радость Христ.» VII—VIII кн. Впрочемъ еще въ 50-хъ годахъ прусскій врачъ Трузенъ указывалъ на санитарныя неудобства кладбищъ и на выгодныя въ гигиеническомъ отношеніи стороны трупосожженія.

не могут подорвать здоровье окрестных жителей. Нельзя не обратить вниманія на раздвоенность взглядовъ въ этомъ отношеніи: по мнѣнію однихъ ученыхъ, близость кладбища, не вызывая какихъ либо специфическихъ заболѣваній, тѣмъ не менѣе увеличиваетъ общій процентъ заболѣваемости и смертности окрестнаго населенія; другіе же подобное вредное вліяніе кладбищъ рѣшительно отрицаютъ; и такъ въ этой области можно безконечно спорить pro и contra. Правда, въ составѣ почвеннаго воздуха надъ могилами содержатся довольно большія количества углекислоты, но, нужно признаться, въ почвенномъ воздухѣ населенныхъ мѣстъ (на улицахъ, дворахъ и т. д.) этотъ газъ встрѣчается въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ на кладбищахъ; что же касается сѣководорода, амміака и другихъ пахнувшихъ газовъ, то они большею частію вовсе не находятся въ почвенномъ воздухѣ кладбищъ, благодаря поглощенію ихъ элементами самой почвы и проникающею въ почву дождевой водой. При раскопкахъ могилъ оказалось, что трупный запахъ замѣчается лишь въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ послѣ зарыванія трупа, по прошествіи же года онъ составляетъ рѣдкое явленіе, при чемъ быстрота разложенія труповъ обуславливается свойствомъ почвы—величиною поръ, т. е. степенью проходимости почвы для воздуха количествомъ воздуха въ порахъ почвы, водоемкостью почвы и температурой ея. Вообще довольно признано, что при отсутствіи общихъ могилъ и при соблюденіи извѣстныхъ правилъ при погребеніи труповъ количество газообразныхъ продуктовъ трупнаго разложенія, выдѣляемыхъ кладбищенской почвой въ атмосферный воздухъ, весьма незначительно и нерѣдко даже ускользаетъ отъ химическаго анализа, и испаренія кладбищъ при переходѣ въ атмосферу подвергаются чрезвычайному разжиженію. Субъективно-эстетическое чувство можетъ заподозрить кладбищенскій воздухъ въ какихъ угодно ужасахъ, но достовѣрными статистическими наблюденіями нѣтъ возможности доказать вредное вліяніе трупнаго разложенія на кладбищенскую почву и здоровье окрестнаго населенія. Точная наука даже неопровержимо свидѣтельствуетъ, что воздухъ хорошо устроеннаго кладбища нисколько не хуже воздуха благоустроеннаго парка. Докторъ Колодезниковъ говоритъ открыто, что посредствомъ кладбищъ болота и безплодныя пустыни окрестностей Петербурга превратились въ парки съ чистымъ воздухомъ, а французскій изслѣдователь Микель показалъ даже, что въ воздухѣ лучшаго парижскаго парка Менсури носится микроорганизмовъ ровно столько же, сколько и въ воздухѣ парижскихъ кладбищъ. Такимъ образомъ о загрязненіи кладбищенскаго воздуха отъ труповъ въ могилахъ притомъ настолько, чтобы онъ могъ являться носите-

лемъ заразы или представлять большую опасность для общественнаго здоровья, не можетъ быть и рѣчи, и нельзя здѣсь не признать справедливымъ сужденіе протоіерея А. Смирнова: «сама по себѣ почва (нормально устроеннаго) кладбища во много разъ превосходить чистотой почву улицъ и дворовъ, воздухъ кладбищъ несравненно чище воздуха жилыхъ центровъ»^{*)}.

Что касается того увѣренія гигиенистовъ, что разложеніе труповъ въ землѣ производитъ отравленіе воды годной для питья, то нужно сказать, что возможности перехода продуктовъ трупнаго разложенія въ почвенную, а слѣдовательно и въ колодезную воду конечно, нельзя отрицать; однако по этому вопросу существуютъ доселѣ большія несогласія въ ученномъ мірѣ. Такъ въ 1881 г. одинъ весьма ученый медикъ рѣшительно отрицалъ подобное зло, а въ 1888 г. другой ученый положительно указывалъ на порчу воды «отъ инфильтраціи элементовъ разложенія». Химическія же изслѣдованія воды изъ нѣкоторыхъ кладбищенскихъ колодезевъ, напр., въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Будапештѣ и др., показали фактически, что въ этихъ водахъ заключается гораздо менѣе вредоносныхъ веществъ, чѣмъ въ обыденной употребляемой водѣ, взятой изъ каналовъ и фонтановъ, или что колодезная вода на кладбищахъ не содержитъ больше амміака, азотной кислоты, азотистой кислоты, хлора и органическихъ веществъ, чѣмъ сколько ихъ имѣютъ колодцы большихъ городовъ, питающіеся почвенной водой. Стоитъ здѣсь отмѣтить то примѣчательное, повѣренное учеными, явленіе, что кладбищенскіе колодцы нерѣдко отмѣчаются даже замѣчательно чистой, хорошей и вкусной водой, таковы напр., колодцы на Ваганьковскомъ и Даниловскомъ кладбищахъ въ Москвѣ. Между прочимъ, изслѣдованіе состава воды въ колодцѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ и колодезной воды на дворѣ одного общественнаго зданія въ г. Москвѣ показало, что въ литрѣ воды оказалось слѣдующее количество граммовъ: на Ваганьковскомъ кладбищѣ: хлора 0,0180; амміака 0,0002; азотной кислоты 0,0476 и органическихъ веществъ 0,0320,—между тѣмъ въ городскомъ колодцѣ хлора 0,304—0,372; амміака 0,015—0,030; азотной кислоты 0,001 и органическихъ веществъ 0,310—0,370. Можно утверждать, что почва на кладбищахъ отдаетъ грунтовой водѣ сравнительно мало растворимыхъ органическихъ веществъ и продуктовъ разложенія вообще и при благоприятныхъ условіяхъ (удобное расположение кладбища, способная къ поглощенію и къ переработкѣ трупныхъ выдѣленій почва) совершенно не происходитъ перехода подобныхъ веществъ въ почву.

^{*)} «Радость Христіанина», 81 стр. op. cit.

Ученые защитники трупосожгания склонны полагать, что въ воздухъ или въ воду могутъ переходить патогенные микробы, передаваемые землѣ вмѣстѣ съ покойниками, а отсюда уже большая опасность угрожаетъ общественному здоровью. Но, прежде всего, переходъ микроорганизмовъ въ воздухъ изъ почвы, особенно изъ болѣе глубокихъ слоевъ ея, встрѣчаетъ вообще большія затрудненія; «точно также фильтрующая способность почвы защищаетъ грунтовую воду отъ перехода въ послѣднюю какъ микробовъ, такъ и могущихъ развиваться въ трупѣ ядовитыхъ веществъ (птомаины, токсины, ядовитые пентоны и т. п.)» *). Въ частности, холерные и тифозные микробы, какъ показали изслѣдованія Петри, погибаютъ въ сравнительно короткое время послѣ погребенія содержавшаго ихъ трупа, и только въ теченіе первыхъ недѣль по зарытіи трупа можетъ быть доказано присутствіе ихъ въ трупѣ или въ непосредственно прилегающей къ нему землѣ. Туберкулезныя палочки иногда годами сохраняются въ могилахъ, но онѣ скоро теряютъ свою злокачественность и становятся безопасными. Споры же сибиреязвенныхъ бациллъ, по изслѣдованію Пастера и др., сохраняются въ почвѣ весьма продолжительное время и при посредствѣ дождевыхъ червей могутъ быть изъ могилъ выносимы на поверхность земли, но это — въ исключительномъ случаѣ. Относительно безвредности и безопасности для воды и воздушныхъ слоевъ отъ зарыванія умершихъ въ землю и отъ продуктовъ разложенія ихъ стоитъ здѣсь привести слѣдующее важное свидѣтельство французскаго доктора**). «Воды, истекающія изъ земли, въ которой погребены умершіе, благодаря естественной силѣ очищенія землц, которое совершается въ теченіи ихъ фильтраціи сквозь геологическіе слои, не могутъ быть загрязняемы химическими продуктами разложенія труповъ или присутствіемъ низшихъ органическихъ существъ. Составъ атмосферы кладбищъ одинаковъ съ составомъ атмосферы городовъ, къ которымъ они имѣютъ отношеніе, и никакого зараженнаго воздуха не можетъ быть на кладбищахъ, которыми пользуются согласно принципамъ гігіены, равно и воздушный слой, обнимающій ихъ, не можетъ служить приемникомъ зародышей патогенныхъ болѣе ядовитыхъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ». (Сf. Д. Ch le Maout). Замѣчательно, что сами гігіенисты готовы признать за фактъ, что въ наукѣ неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы эпидемія возникла и вышла изъ какого нибудь кладбища». Однако, чтобы не быть въ противорѣчій съ законами гігіены, практика зарыванія въ землю должна быть окружена многочис-

*) Словарь Брокгауза, 29 полут. 281 стр.

**) Dictionnaire Vacant... 2322 рад.

ленными предосторожностями согласно съ данными наукъ, и только рационально устроенное*) кладбище не представляетъ въ гігіеническомъ отношеніи никакой опасности для общественнаго здоровья.

Вообще же общепризнано, что при отсутствіи дѣйствія кислорода трупъ съ нѣкоторою медленностію разлагается въ нѣдрахъ покрывающей его земли, которая, представляя собою естественное орудіе измѣненія органическихъ тѣлъ, сама поглощаетъ большое количество газовъ, и земля, благодаря составнымъ своимъ частямъ, безъ сомнѣнія, есть самый лучший дезинфекторъ. Притомъ, вслѣдствіе сильнаго давленія почвы получается изъ могилъ незначительное количество выдѣлений или испареній, которыя и поглощаются растеніями, обычно встрѣчаемыми на кладбищахъ, или же постепенно разсѣваются въ атмосферѣ. Отсюда уже естественно и вполне достаточно гарантируется безопасность отъ кладбищъ для окрестныхъ жителей. Между тѣмъ далеко въ неблагопріятномъ свѣтѣ представляется сожиганіе труповъ человеческихъ, которое, какъ легко видѣть, можетъ сопровождаться гораздо болѣею опасностію, чѣмъ погребеніе умершихъ въ землѣ. Въ практикуемомъ на Западѣ жгучемъ, по возможности быстромъ или, лучше, скоропалательномъ процессѣ производится огромное количество газовъ, которое сразу появляется въ окружающей атмосферѣ, и отсюда естественно имѣется болѣе шансовъ на зловерное зараженіе воздуха и, слѣдовательно, на появленіе болѣзней и опустошительныхъ язвъ. И не безъ основанія указывали на то, что эпидемія въ большемъ количествѣ господствовала въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ трупы предавались сожженію. Легко себѣ непосредственно представить, какой бы удушающій запахъ жаренаго трупа на далекое пространство разносился въ воздухъ, своимъ зловоніемъ заражая всю окрестность, если бы повсемѣстно, особенно въ большихъ городахъ, задымились сожигательныя печи съ тѣлами умершихъ людей! Такъ, заключенія опыта, соединенныя съ свидѣтельствомъ большинства медиковъ, показываютъ, что принципъ зарыванія въ землю имѣетъ дѣйствительную и неоспоримую цѣнность.

Противъ общепринятаго погребенія въ землѣ на кладбищахъ вооружаются приверженцы трупосожгания и по общественно-эко-

*) Въ ряду санитарныхъ требованій, при выполненіи которыхъ кладбища нисколько не угрожаютъ общественному здоровью, отнѣтимъ здѣсь болѣе существенныя. Прежде всего подъ кладбища слѣдуетъ выбирать почву сухую и достаточно проникаемую для воздуха какими требованіямъ удовлетворяетъ крупнозернистая (изъ хрища или крупнаго песка) почва слоро, просыхающая послѣ дождя и не допускающая значительнаго поднятія воды нутемъ влажности. Небольшая часть глины въ хрищѣ или крупному песку не представляетъ препятствія для выбора или устройства кладбища, такъ какъ глина въ значительной степени обладаетъ способностію поглощать продукты гнилознаго разложенія труповъ изъ выдѣляемой послѣдними воды. Не слѣдуетъ выбирать подъ кладбища такія мѣста, на которыхъ почвенная вода, хотя бы временами, поднимается настолько высоко, что трупы орошаются водой; важно, чтобы почвенная вода, при наиболѣе высокомъ стояніи ея, не подходила ближе къ подошвѣ могилы

помическимъ соображеніямъ, указывая на то, что чрезъ устройство кладбищъ известное общество лишается будто бы значительныхъ участковъ земли высокой цѣнности, превращаемыхъ притомъ въ разсадинки болѣзней, и чрезъ то наносится будто бы большой ущербъ земледѣлію. Кладбища, по словамъ сторонниковъ кремаци, скоро переполняются могилами и потребно бываетъ отводить новые участки земли для открытія другого кладбища и т. о. мертвые мало по малу отнимаютъ мѣсто у живыхъ. Въ Парижѣ напр., приходится хоронить (будто бы!) около 50 тысячъ челоѣкъ въ годъ. На каждый гробъ требуется 2 кв. метра поверхности (2 м. въ длину, 0,5 м. на ширину могилы и 0,5 расстоянія отъ сосѣдней могилы). Приблизительно для $\frac{1}{10}$ части погребаемыхъ родственники приобрѣтаютъ землю «на вѣчныя времена». Т. о. ежегодно 10.000 кв. метровъ (около 2 десятинъ) устраняется изъ употребленія; кромѣ того, каждыя 10 лѣтъ приходится бросать еще около 90.000 кв. метровъ (около 17 дес.) — въ силу того обстоятельства, что въ одной могилѣ нельзя хоронить болѣе 2—3 труповъ. Легко замѣтить, что эти исчисления грѣшатъ преувеличеніемъ. При этомъ, по видимому, намѣренно игнорируются т. н. кладбищенскіе періоды, т. е. установленные известные сроки, которые въ разныхъ государствахъ колеблются между 5 (во Франціи) и 30 (въ Россіи) годами, въ прямой зависимости отъ продолжительности разложенія трупа при известныхъ условіяхъ данной почвы и мѣстнаго климата. По истеченіи же такихъ сроковъ могилы могутъ быть безопасно перекапываемы и занимаемы свѣжими трупами, и т. о. не потребуется отводить новые участки земли для открытія новыхъ кладбищъ. Затѣмъ, никто не будетъ у насъ — въ Россіи спорить, что какойнибудь ничтожный клочекъ земли, который не доставитъ средствъ

какъ на 0,5 м. Въ отношеніи глубины могилы нужно сказать, что слой земли, лежащій надъ трупомъ, съ одной стороны, долженъ имѣть такую толщину, чтобы въ достаточной мѣрѣ поглощались трупные газы, а съ другой — не долженъ быть настолько тонокъ, чтобы чрезъ чуръ затруднялся доступъ воздуха къ трупу. — Требуемая русскимъ законамъ глубина могилъ въ 1,70—1,80 м (не менѣе $2\frac{1}{2}$ ари) признается вполне достаточной, съ чѣмъ согласны Петтенкоферъ, Шустеръ и др. Далѣе, не должны быть допускаемы общія могилы и каждая могила должна быть рассчитана только на одинъ трупъ, въ какомъ случаѣ скорѣе можетъ произойти полное поглотеніе продуктовъ трупнаго разложенія и переработываніе ихъ землею. Нѣтъ достаточныхъ основаній требовать, чтобы кладбище находилось на значительномъ разстояніи отъ обывательскихъ домовъ, особенно если количество погребаемыхъ въ теченіе года труповъ незначительно. Въ большихъ же городахъ съ санитарной точки зрѣнія лучше давать кладбищамъ нѣсколько изолированное положеніе. Кстату изъяснить, что до XVI вѣка почти единственнымъ мѣстомъ для кладбищъ служили церковные дворы, по влѣдствію оказавшейся недостаточности ихъ съ умноженіемъ городского населенія стали устраивать кладбища на окраинахъ городовъ. Въ XVII и особенно XVIII в. правительству, исходя изъ соображеній санитарнаго свойства, стали запрещать погребеніе умершихъ при церквяхъ, а въ XIX в. установился принципъ, недопускающій устройства кладбищъ внутри городовъ и даже селеній. Закономъ 27 ноября 1889 г. у насъ постановлено, что устройство городскихъ кладбищъ на разстояніи менѣе 100 сажень отъ послѣдняго городского жилья, а сельскихъ кладбищъ — ближе позуверсы отъ селенія, въ случаѣ необходимости можетъ быть разрѣшаемо.

для пропитанія 4—5 челоѣкъ, можетъ служить кладбищемъ для города съ десятитысячнымъ населеніемъ.

Руководясь санитарными и экономическими расчетами, сторонники трупосожиганія, будто бы въ цѣляхъ помочь своимъ нововведеніемъ успѣхамъ земледѣлія, полагали бы, закрывъ кладбища, «какъ средоточіе заразы», передать ихъ подъ пашни и даже желали бы изъ костей умершихъ людей выработывать удобреніе, такъ какъ кости производятъ т. н. фосфатъ, между тѣмъ доселѣ на кладбищахъ содержащаяся въ тѣлахъ умершихъ фосфорнокислая соли пропадаютъ даромъ, служа лишь пищею для червей и для произрастанія травы. Но эти явно искусственныя заботы новѣйшихъ благодѣтелей земледѣлія оказываются совершенно напрасными: опытомъ дознано, что при сожженіи тѣлъ всѣ полезныя для земледѣльцовъ соли улетучиваются и совершенно безъ пользы пропадаютъ. Къ тому же, едва ли кто либо изъ согласившихся обречь свое тѣло по смерти на сожженіе изъявитъ свое пожеланіе или рѣшится сдѣлать распоряженіе, чтобы его прахъ или пепелъ былъ употребленъ на удобреніе полей, или чтобы изъ его трупа означенные благодѣтели челоѣчества добыли синильную кислоту, фотогенъ, парафинъ, аммоніакъ въ качествѣ матеріала для освѣщенія. Такъ это предположеніе объ использованіи челоѣческихъ труповъ уже при жизни лицъ, по видимому, равнодушныхъ къ способу погребенія, становится противнымъ нравственному ихъ чувству, не менѣе противно (пусть это будетъ просто чувство безразличности) для оставшихся живыхъ, для коихъ предназначаются переработанные останки умершихъ членовъ общества! При этомъ совершенно забывается, что при трупосожженіи весь продуктъ сводится не болѣе какъ къ 2 фунтамъ пепла (въ зависимости, впрочемъ, отъ объема организма), цѣной менѣе 50 коп., между тѣмъ издержки на сожиганіе труповъ исчисляются нѣсколькими десятками рублей.

Впрочемъ приверженцы трупосожиганія усиливаются этотъ вводимый на западѣ способъ оправдать экономическими соображеніями со стороны его дешевизны и удобства. Не будемъ здѣсь говорить о томъ, что сожиганіе тѣлъ умершихъ у древнихъ знатныхъ римлянъ и другихъ народовъ обходилось очень дорого,* такъ какъ огромный для этого расходъ дровъ, какъ и крайне пренебрежительное обращеніе съ тѣлами умершихъ бѣдняковъ и рабовъ, въ цѣлыхъ кучахъ сожигаемыми на кострахъ общественныхъ, въ настоящее время совершенно устранены съ достаточ-

* По приблизительному расчету вѣмецкаго ученаго Беттигера расходъ дровъ для этого погребенія въ одномъ Римѣ достигалъ до 12 тысячъ сажень въ годъ.

нымъ для трупосожженія приспособленіемъ печи Siemens, Туазуля и др. изобрѣтателей. Однако же, не говоря уже о дорогой постройкѣ крематоріевъ вмѣстѣ съ современнымъ кладбищемъ, и доселѣ не отличается дешевой новый способъ погребенія умершихъ. Такъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ стоимость расходовъ по погребенію въ сожигательной печи въ Готѣ доходитъ до 150 марокъ, по нашему курсу около 59 рублей. Въ Парижѣ въ 1898 г. городское управленіе въ цѣляхъ привлеченія общества къ дешевой операціи сожиганія взяло на себя значительную часть расходовъ по ней, установивъ плату за нее въ 7 руб. 50 коп. на наши деньги, между тѣмъ каждое сожженіе трупа обходится ему въ 113 франковъ (около 41 руб.), каковая цѣна, конечно, несколько меньше расходовъ на покупку гроба и погребеніе въ землѣ; послѣдняго рода расходы, кстати замѣтимъ, приверженцами урны даже намѣренно преувеличиваются — съ цѣлю уравнивать цѣны за погребеніе въ землѣ и трупосожженіе. Къ стоимости по сожиганію умершихъ слѣдуетъ еще присоединить значительные расходы на доставку труповъ къ сожигательной печи, пока такія печи не заведены повсемѣстно. По причинѣ дороговизны*) сожиганіе труповъ на западѣ пока является доступнымъ для лицъ богатыхъ и могло бы имѣть болѣе широкое примѣненіе тамъ развѣ въ очень большихъ городахъ. Эта — то дороговизна трупосожиганія даже и при позднѣйшихъ аппаратахъ составляетъ большое препятствіе къ введенію сожиганія на Западѣ, какъ всеобщаго способа погребенія. И справедливо высказался М. Блаубергъ, «пока сожиганіе труповъ будетъ составлять исключительный способъ погребенія, терпимый лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пока, вслѣдствіе этого перевозка труповъ съ цѣлю сожиганія ихъ должна подчасъ совершаться на далекія разстоянія и пока, наконецъ, необходимо заглаживать крематорій для каждаго отдѣльнаго случая, этотъ способъ погребенія будетъ обходиться сравнительно дорого и ока-

*) При настоящихъ условіяхъ сожиганіе трупа умершаго въ Берлинѣ обходится, при самыхъ скромныхъ условіяхъ, до 450 марокъ, потому, что трупъ для сожиганія долженъ быть перевезенъ изъ Берлина въ Гамбургъ, Іену, либо въ Готу. Расходы собственно на сожиганіе труповъ не превышаютъ 100 марокъ, — остальная сумма падаетъ на перевозъ трупа и т. под. Въ Гамбургѣ топливо, необходимое для сожиганія одного трупа, стоитъ 10 марокъ; но если въ тотъ же день производится вторичное сожиганіе, то топливо на каждаго изъ нихъ обходится только 5 марокъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются крематорій, похороны (гробъ, требы, сожиганіе и пр.) обходятся не дороже 150 марокъ. Стоимость сожиганія труповъ, по таблицѣ Вейля, такова въ маркахъ: въ Миланѣ — и., Парижѣ 40, Готѣ 60, Цюрихѣ около 80, Гейдельбергѣ 25, Гамбургѣ 8 марокъ. «Словарь Брокгауза, 60 полут. 711 стр.

жется доступнымъ лишь для немногихъ*). Но, прибавимъ отъ себя, расходы на сожиганіе труповъ едва ли могутъ сильно повліять въ томъ случаѣ, если этотъ способъ погребенія когда либо получитъ право гражданства и большія удобства при устройствѣ крематоріевъ во многихъ мѣстахъ — на Западѣ.

Въ суетной торгашеской погонѣ за мелкими интересами приверженцы трупосожженія оставляютъ безъ вниманія гораздо важнѣйшее, не представляя себѣ, что возстановляемый отъ древности способъ погребенія можетъ причинить громадный вредъ въ другомъ, безусловно важномъ отношеніи. При зарываніи умершихъ на кладбищахъ, въ случаѣ возникновенія подозрѣній относительно естественности смерти погребеннаго, всегда возможно вырыть его изъ земли для изслѣдованія медицинскаго и такимъ путемъ достигнуть истины по остаткамъ тѣла и даже по окружающей его землѣ. При сожиганіи же трупъ умершаго исчезаетъ въ огнѣ и остается лишь пепелъ, а газы естественно улетучиваются, и такимъ образомъ черезъ новый способъ погребенія исключается возможность констатировать преступленіе (по слѣдамъ насильственной смерти) въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется судебно-химическое изслѣдованіе вырытыхъ труповъ. Такъ, съ допущеніемъ сожиганія умершихъ людей полагаются препятствія правосудію для раскрытія преступленій противъ жизни ближняго, каковыя, безъ сомнѣнія, сдѣлаются болѣе частыми и безопасными. Происходящая отсюда безнаказанность злодѣевъ должна сопровождаться глубокимъ паденіемъ общественной нравственности, и тогда общественное страшное зло будетъ непоправимо цѣлыми десятками лѣтъ. Но какъ ни справедливо трупосожженіе встрѣчаетъ для себя рѣшительнаго противника въ юстиціи, въ юристахъ, защитникахъ его, не отрицая важности судебно-химическаго изслѣдованія въ потребныхъ случаяхъ, указываютъ на то, что оно далеко не всегда даетъ убѣдительныя данныя для констатированія преступленія, главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности обнаруженія органическихъ ядовъ въ трупахъ. Образующіеся произвольно при разложеніи труповъ яды, извѣстные подъ именемъ птомаиновъ, очень сходны съ наиболѣе важными органическими ядами, и эти легко признать за введенные искусственно; констатированіе же мышьяка въ трупныхъ останкахъ сопряжено со многими затрудненіями: такъ, мышьякъ можетъ оказаться въ землѣ и безъ трупа, равно вещества ядовитыя могли быть червями перенесены съ одного трупа на другой и т. под.; отсюда при изслѣдованіи труповъ, говорятъ, предстоитъ опасность смѣшать съ симптомами на-

*) Ibid 710 стр.

сильственного отравления симптомы совершенно естественные, которые ничего общего не имеют с каким либо преступлением. По показанію нѣмецкаго профессора Кухенмейстера, даже приверженца трупосожиганія, въ одномъ случаѣ уже по прошествіи 9 лѣтъ возникло подозрѣніе въ отравленіи; тѣло было вырыто изъ земли и изъ остатковъ мягкихъ его частей извлечено было 0,2 грамма мышьяка, и такимъ образомъ констатированъ фактъ отравленія. Также сторонникъ и даже поборникъ сожиганія тѣлъ итальянецъ Тарчини-Бонфанти какъ-то заявилъ въ Миланскомъ судѣ, что въ теченіе 26-лѣтней практики онъ только 10 разъ получалъ отъ этого суда предписаніе произвести по вырытіи трупа медицинское изслѣдованіе его и изъ 10 случаевъ лишь 4 повели къ открытію преступленія. Но при всемъ незначительномъ количествѣ столь удавшихся такихъ случаевъ они должны быть признаны имѣющими важное общественное значеніе. Если бы въ каждомъ судѣ въ каждыя семь лѣтъ судебно-химическимъ изслѣдованіемъ устанавливаемо было по одному факту отравленія, то уже отсюда, какъ представляется непрелюбимому взгляду, получается существенно важный доводъ противъ сожиганія труновъ. Въ виду предупрежденія подобныхъ случаевъ приверженцы трупосожиганія указываютъ, что введеніе новаго способа погребенія обязательно связано съ подробнымъ осмотромъ всякаго умершаго врачами—специалистами, при чемъ, въ подозрительныхъ случаяхъ, осмотръ долженъ сопровождаться вскрытіемъ трупа. Но удостовѣреніе врача въ естественности смерти почившаго, конечно, не всегда и вполне можетъ гарантировать общество отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя въ этой сферѣ даже въ шпрокыхъ размѣрахъ могутъ имѣть мѣсто по многоразличнымъ побужденіямъ, между тѣмъ для преступниковъ откроется возможность избѣгать законной кары за свои преступленія. Въ самомъ дѣлѣ, если слѣды преступленія вначалѣ бывають нерѣдко замечены, они могутъ открыться познѣе, и можетъ представиться нужда вырывать трупы изъ могилъ даже въ томъ случаѣ, гдѣ оказывается недостаточнымъ первоначальный осмотръ*).

*) Нѣтъ нужды здѣсь считаться съ усложняющимъ дѣло погребенія предложеніемъ проф. Кухенмейстера, по которому можно каждый разъ, предварительна сожженія труновъ, анатомировать ихъ, при чемъ желудки и внутренности по обозначеніи ихъ особыми знаками зарывать въ особые мѣстахъ или предъ сожженіемъ поручать опытнымъ химикамъ изслѣдованіе ихъ на основныя яды. При предположеніи собиранія этой странной коллекціи желудковъ и внутренностей умершихъ очевидно забываются требованія гигиены или, точнѣе, возможные случаи нарушенія гигиены, за которую такъ сильно ратуютъ въ другомъ случаѣ защитники трупосожженія.

Не нужно доказывать, что грубое, даже ужасающее для нашихъ чувствъ явленіе представляетъ собою трупосожиганіе, которое вмѣстѣ оскорбительно для эстетическаго чувства. Но, по взгляду приверженцевъ новаго способа погребенія умершихъ, будто бы ни мало не оскорбляется чувство для всякаго того, кто знакомъ съ современной техникой трупосожиганія въ крематоріяхъ, кажущихся изящнымъ какъ бы церковнымъ зданіемъ. Какъ выше видѣли, превращеніе труновъ въ пепель нынѣ совершается не посредствомъ пламени, получаемаго при сгораніи топлива, а исключительно благодаря постоянному искусно придуманному притоку сильно нагрѣтаго воздуха. Этому-то быстрому не болѣе 1½—2 часовому и, повидимому, чистому по себѣ процессу и отдають преимущество предъ погребеніемъ въ могилѣ, въ которой тѣло подвергается медленному гніенію и тлѣнію и крайнему до времени полнаго исчезновенія обезображенію чрезъ ужасающее снѣденіе могильными червями. Также почему-то отпаднымъ и даже красивымъ для эстетиковъ кажется сохраненіе въ урнѣ того праха, который остается отъ быстрого огненнаго уничтоженія трупа. Выставляя преимущества сожиганія труновъ, говорятъ еще, что погребеніе тѣла, видъ могилъ, доставляя обильную пищу для фантазіи, послужили къ созданію образовъ привидѣній, облеченныхъ въ саваны: введеніе трупосожиганія будетъ содѣйствовать уничтоженію суевѣрнаго представленія призраковъ. Но такимъ искусственнымъ способомъ, конечно, нельзя положить предѣла для полетовъ фантазіи или нашего воображенія умершихъ, какъ невозможно уничтожить и самую вѣру въ явленіе умершихъ изъ загробнаго міра. Не вдаваясь въ разборъ подобныхъ малозначущихъ мнѣній, однаково неубѣдительныхъ относительно необходимости трупосожженія, мы считаемъ болѣе важнымъ вопросомъ о сожиганіи труновъ подвергнуть разсмотрѣнію съ другихъ болѣе высокихъ или идеальныхъ точекъ зрѣнія—нравственной и религіозной, каковыя намѣренно или пренебрежительно игнорируются защитниками новаго способа погребенія, между тѣмъ онѣ приводятъ положительно къ признанію преимущества и обязательности практики зарыванія въ землѣ.

Едва ли кто либо изъ цивилизованныхъ лицъ или даже дюжинныхъ умовъ, не говоря уже о простомъ народѣ вѣрующемъ и вѣрномъ преданіямъ предковъ, позволитъ себѣ не согласиться съ тѣмъ, что разсматриваемый нами вопросъ о трупосожженіи, въ которомъ все такъ тягостно и печально и приводитъ въ содроганіе и трепетъ даже не особенно чувствительная натура, вопросъ этотъ касается глубочайшихъ и наиболѣе деликатныхъ чувствъ челоуѣческаго сердца и для огромнаго большинства людей не такъ

легко и просто разрѣшается, какъ это представляется приверженцамъ кремации. Различныя одностороннія доказательства изъ области древней ли исторіи народовъ или современно — научной гігіены, фальшиво — экономическія соображенія, показная эстетика и прочія фиктивные прельщенія всегда будутъ безсильны побѣдить въ людяхъ чувство невольнаго отвращенія отъ той огненной операціи, какую хотѣли бы живые назначить для усопшихъ членовъ семьи или общества, — такъ она глубоко оскорбляетъ здоровое нравственное чувство. Было бы большою несправедливостію полагать, будто древнѣйшій обычай погребенія въ землю поддерживается лишь невѣжествомъ и предрасудками или закрѣпленъ лишь долговременною внѣшнею привычкою, съ которой долженъ вступить въ борьбу разумъ человѣка и побѣдить ее. Еще Паскаль сказалъ справедливо: «сердце имѣетъ иные законы, чѣмъ голова и разумъ!» Пусть человѣкъ съ холоднымъ разумомъ правильно убѣжденъ, что тѣло безъ души — прахъ въ недалекомъ будущемъ, что для почившаго лица почетъ брѣнному его тѣлу не имѣетъ значенія, равно и срама мертвые не имѣютъ, но этимъ доводамъ разсудка неумолимо противится человѣческое сердце. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку всегда тяжело становится вдругъ расстаться съ тѣмъ умершимъ ближнимъ, съ которымъ онъ еще такъ недавно бесѣдовалъ и жилъ, и пока мы будемъ людьми съ сердцемъ, мы никакъ не можемъ, въ случаѣ смерти родителя, жены, дитяти, друга, тотчасъ забыть о нихъ и по этому самому чувству не позволимъ себѣ тѣло, при жизни окружаемое любовью и вниманіемъ, обречь, по прекращеніи дыханія, въ жертву пламени на явное и мгновенное исчезновеніе, но будемъ и съ безжизненнымъ трупомъ обращаться, какъ съ цюгимъ для насъ предметомъ, съ чувствомъ уваженія. Вотъ умеръ нашъ присный. Ближніе, легля трупъ почившаго, по омовенію облагаютъ его чистыми одеждами и украшеніями и полагаютъ его во гробъ, какъ на одръ для сна; по совершеніи церковныхъ обрядовъ надъ усопшимъ относятъ его на избранное мѣсто упокоенія въ землѣ, нѣкоторые иногда даже земли на него не посыпаютъ или бальзамируютъ трупъ, желая какъ — бы цѣлостнѣе сохранять его въ склепѣ. Предавая останки своего ближняго землѣ, духъ человѣческой признаетъ землю стихією болѣе постоянною для сохраненія въ насъ памяти о покойномъ и для возможнаго выраженія любви къ нему. Мы знаемъ или видимъ мѣсто упокоенія ближняго, представляемъ себѣ внѣшній его видъ, положеніе во гробѣ — какъ бы на ложѣ въ состояніи временнаго сна, отъ котораго онъ нѣкогда снова возбудится. Эти какъ бы священные для насъ останки усопшаго, полный высокой таинственности и величественной грусти послѣдній церковный

совершенный надъ нимъ обрядъ, самый надгробный памятникъ надъ прахомъ побуждаютъ родныхъ, опираясь на опредѣленный пунктъ упокоенія въ землѣ, чаще вспоминать о любимомъ существѣ. Такъ кладбища для насъ суть свидѣтели непрестающей любви нашей къ ближнимъ усопшимъ, мѣста общенія съ ними въ молитвѣ, и отнюдь не невѣжество, не народныя предрасудки, а чувство самой простой гуманности, сыновней почтеніе, супружеская и братская любовь къ умершему даже дружба, вообще чувство естественнаго уваженія къ нему и желаніе человѣка по возможности долѣе, по крайней мѣрѣ, въ точно извѣстномъ мѣстѣ земли какъ бы удержать вблизи себя любимое лицо безжалостно природою похищенное изъ нашей среды — вотъ что лежитъ въ основаніи преданія усопшихъ землѣ! Между тѣмъ преданіе трупа на сожженіе, — съ намѣреніемъ ускорить разложеніе искусственнымъ способомъ и это съ крайнею поспѣшностію, въ самое короткое время, чтобы какъ только возможно скорѣе изгнать со свѣта трупъ, уничтожить его, является не менѣе, какъ забвенеіе всякой деликатности къ почившему и оскорбленіе священныхъ нравственныхъ чувствъ человѣческой природы, и съ этимъ поспѣшнымъ и жестокимъ разрушеніемъ тѣла никакъ не можетъ помириться истинно образованный человѣкъ.

Защитники трупосожиганія пытались съ богословской точки зрѣнія апробовать его. Такъ, въ Свящ. Писаніи, говорятъ они, нигдѣ вѣдь нѣтъ формальнаго запрещенія погребать мертвыхъ посредствомъ сожиганія. Но во всякомъ случаѣ оно нигдѣ и не рекомендуется. Между тѣмъ относительно погребенія въ землю есть откровенное ученіе, представляющее его, какъ обязательный къ исполненію законъ Творца — Судьи въ Его опредѣленіи: «ты земля и въ землю пойдешь» (Быг. 3, 19; ср. Еккл. 12, 7). Если приверженцы сожиганія труповъ говорятъ, что чрезъ сожженіе человѣкъ одинаково возвращается къ своему первоначальному земному состоянію, какъ и при зарываніи въ землю, то на это слѣдуетъ указать, что въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ употреблено слово *epher*, что значитъ пыль, тонкій прахъ отъ земли (изъ котораго сотворенъ человѣкъ), а не пепель; для обозначенія же пепла, образуемаго при сожиганіи тѣлъ животныхъ и труповъ, служить въ еврейскомъ языкѣ особое слово *teschen* (ср. *1ep. 31, 0*). Слѣдовательно, по опредѣленію Божию въ наказаніе за грѣхъ прародительскій, тѣло умершаго должно быть обращено или погребено въ прахъ земли, въ видимую нами землю.

Приверженцы сожиганія тѣлъ умершихъ всячески усиливается ввести это повѣнство не столько потому, что смотрятъ на трупъ, какъ на вредоносную гниль, сколько и преимущественно (хотя затаенно) потому, что они скептически относятся къ уче-

нiю о безсмертiи и воскресенiи челоуѣка. Держась того языческаго взгляда, будто со смертiю челоуѣка наступаетъ полное небытiе, они посредствомъ сожиганiя труповъ хотѣли бы сдѣлать до осязательности очевиднымъ это небытiе, чрезъ окружающiя же трупосожиганiе частныя обстоятельства даютъ возможность публичнымъ обнаруженiямъ безрелигiозности и материализма, къ соблазну другихъ. Но въ христіанствѣ еще яснѣе и глубже, чѣмъ въ Ветхомъ завѣтѣ, опредѣленно выражено высокое понятiе о загробномъ существованiи челоуѣка, положительная вѣра не только въ безсмертiе души, но и въ воскресенiе тѣла въ послѣднiй день всеобщаго суда Божiя. «Наступаетъ время, въ которое все находящiеся во гробахъ услышатъ гласъ Сына Божiя... и услышавши оживутъ», сказалъ Спаситель (Іоан. 5, 25, 28). «Сѣется въ тлѣнии, востаетъ въ нетлѣнии... сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное», говоритъ ап. Павелъ (1 Кор. 15, 42—44. ср. Іоан. 12, 24). По ученiю христіанскому, тѣла членовъ церкви Христовой суть какъ бы нѣкая святыня, которая вполне достойна благоговѣйнаго почитанiя. Въ самомъ дѣлѣ, тѣло христіанина представляло въ себѣ образъ Божiй, возрожденный и обновленный благодатiю Божiею; оно было не только носителемъ духовной жизни, орудiемъ небесныхъ добродѣтелей, сотрудиномъ подвиговъ души; оно, при выполненiи званiя христіанина, было жилищемъ, храмомъ Духа Божiя (1 Кор. 3, 16—17; 6, 15, 18); чрезъ него проникала въ душу священнѣйшая жертва для живѣйшаго общенiя съ Господомъ Іисусомъ Христомъ (Іоан. 6, 56—57), въ тѣлѣ для освященiя совершались таинства церковныя и въ немъ чрезъ ев. Евхаристiю заложено сѣмя воскресенiя. Получивши уже здѣсь залогъ усыновленiя Богу, христіане предназначены быть наследниками Богу и сонаследниками Христу въ торжествующей вѣчности (Рим. 8, 14—17). Въ твердой увѣренности въ воскресенiе христіане смотрѣли на смерть, какъ на временный, неопредѣленно продолжительный сонъ съ великимъ упованiемъ почившихъ на полученiе обѣщанной въ Словѣ Божiемъ награды за христіанскiе подвиги въ теченiе земной тѣлесной жизни. Отсюда встрѣчаемая въ древнихъ мѣстахъ погребенiя христіанъ, въ т. н. катакомбахъ и на надгробныхъ памятникахъ надписи получаютъ свой смыслъ, а это—надписи о томъ, что умершие покоятся въ мѣстахъ прохлажденiя, свѣта, мира, что тѣло христіанина только временно предано, какъ бы поручено землѣ, въ которой въ мирѣ почиваетъ до времени общаго воскресенiя, почему и подземныя кладбища для христіанъ—катакомбы назывались *κοιμητήριον*, усыпальница. Сообразно съ такимъ отраднымъ взглядомъ на смерть и по уваженiю къ высокому предназначенiю тѣла христіанина, уже съ

древнихъ временъ христіанства составленъ умиленный чинъ погребенiя или отиѣванiя, въ которомъ живые воздаютъ послѣднiй долгъ почившему. Это—священный и глубокопоучительный обрядъ надъ тѣломъ христіанина, какъ бывшимъ жилищемъ духа,—въ которомъ возносятся трогательныя моленiя объ упокоенiи души усопшаго. Чинъ погребенiя есть изображенiе временнаго усыпленiя умершаго, тѣло котораго церковь препоручаетъ разлагающей силѣ природы, предоставляя ей во всей тишинѣ и сокровенности исполнять дѣло разложенiя и истлѣнiя въ лоно земли. На могилу мы поставляемъ крестъ въ напоминанiе о грѣхѣ и смерти, какъ возмездiя за грѣхъ (Рим. 6, 23), и вмѣстѣ о томъ, что распятый Христосъ отнялъ у смерти ея жало (1 Кор. 15, 54—55) и Своимъ воскресенiемъ сдѣлалъ изъ смерти врата въ царство небесное; крестъ есть символъ надежды на пробужденiе почившаго въ общее воскресенiе. Подобно тому, какъ хозяинъ осенью бросаетъ зерно въ землѣ какъ бы на истлѣнiе, между тѣмъ въ зернѣ содержится зародышъ для новаго растенiя и оно весною заявляетъ свою силу,—такъ въ нынѣшнемъ челоуѣческомъ, земномъ тѣлѣ заложенъ какъ бы ростокъ для будущаго новаго тѣла—духовнаго, небеснаго (какимъ оно должно нѣкогда сдѣлаться) по о разу небеснаго тѣла Христа. По примѣру воскресшаго Іисуса, побѣдителя смерти, всемогущая сила Божiя нѣкогда воздвигнетъ жизнь изъ лона смерти и неостижимымъ для насъ чудеснымъ образомъ воскреснетъ тоже самое тѣло, но обновленное, преображенное, съ назначенiемъ къ жизни вѣчной (1 Кор. 15, 35—53). Эту-то твердую вѣру и надежду на воскресенiе и будущую жизнь ясно выражаютъ молитвословія и пѣснопѣнія въ умиленномъ чинѣ церковнаго отиѣванiя или погребенiя усопшаго христіанина. Церковь не можетъ новый обычай сожиганiя умершихъ допустить, вмѣсто бывшаго доселѣ погребенiя (въ землѣ), не можетъ отринуть своихъ древнихъ досточтимыхъ преданiй, не придавая одновременно тому же огню и свой древнiй, основанный на Свящ. Писанiи, образный языкъ, который вездѣ о смерти и воскресенiи усопшихъ говоритъ въ связи съ погребенiемъ чрезъ зарыванiе ихъ въ землю. Поэтому отиѣнить погребенiе въ землю въ пользу трупосожиганiя значило бы вмѣстѣ съ тѣмъ отиѣнить и церковный чинъ отиѣванiя, такъ какъ при новомъ способѣ погребенiя тѣла чрезъ сожженiе нѣкоторые изъ обрядовъ и молитвъ христіанскаго погребенiя потеряли бы свое значенiе, столь древнее и прекрасное въ приложенiи къ умершему, и церковный чинъ отиѣванiя оказался бы рѣшительно непримѣнимымъ къ умершему, поступающему въ сожгательную печь, и тогда церкви пришлось бы создавать новый образный языкъ,—на что она, конечно, никогда не рѣшится.

И церкви, вѣрная хранительница своихъ обрядовъ, въ правѣ отказать въ нихъ тѣмъ, кто презираетъ ихъ столь глубокой религіозной смѣль.

Но взгляду трупосожигателей, вводимый ими способъ погребенія не представляется противорѣчающимъ какому либо догмату христіанской религіи, въ частности воскресенію тѣла, какъ сожженіе тѣла усопшихъ вѣрующихъ не можетъ служить препятствіемъ къ достиженію блаженства, въ чемъ удостовѣряютъ примѣры мучениковъ, подвергнутыхъ сожженію. Высокое ученіе христіанства о воскресеніи тѣла вовсе не заключаетъ въ себѣ той мысли, что тѣло человѣческое, если оно будетъ превращено огнемъ въ прахъ, будетъ имѣть препятствіе или лишится возможности воскреснуть въ послѣдній день. Нельзя же, говорить, предполагать, чтобы Господу было затруднительнѣе воздвигнуть къ вѣчной жизни тѣло, обращенное огнемъ въ пепелъ, чѣмъ то, которое обратилось въ могила въ прахъ, сдѣлавшись снѣдью червей: всемогущество Божіе вѣдь не имѣетъ предѣловъ! Однако, въ упорной надеждѣ на это, прибѣгать къ сожженію бренныхъ останковъ почившаго не значило ли бы нѣкоторымъ образомъ искушать Господа Бога, по прихоти человѣческой, какъ бы требуя отъ Него чуда въ будущемъ? Не будетъ ли это такимъ же дерзкимъ и преступнымъ испытаніемъ всемогущей силы Божіей, какъ въ первыя времена христіанства то открыто выражали тѣ язычники, которые, подвергнувъ тѣла Люпекскихъ мучениковъ сожженію и бросивъ пепель ихъ въ Рону, восклицали: «посмотримъ теперь, воскреснутъ ли они и исхититъ ли ихъ Богъ изъ рукъ нашихъ?» (Церк. Ист. Евсев. кн. V, гл. 1). Также въ рѣчи язычника у Мануція Феликса слышимъ порицаніе христіанамъ: «они гнушаются кострами и осуждаютъ сожиганіе при погребеніи, какъ будто не всякое тѣло съ годами и вѣками превращается въ землю и безъ огня»... На это возраженіе язычника такъ отвѣчаетъ христіанинъ: «высыхаетъ ли тѣло до пыли, разрѣшается ли во влагу, сжигается ли въ пепель, Богъ сохраняетъ его элементы для воскресенія. Мы нисколько не боимся вреда отъ погребенія, какъ вы думаете, но продолжаемъ древній и лучшій обычай погребать» (Окт. Минуц. Фел. гл. XI и XXXVII). Конечно, «всемогущая сила Божія можетъ и въ сожженномъ тѣлѣ произвести совершеніе всего человѣка, какъ св. Иринея называетъ воскресеніе тѣла, но мы не должны заблуждаться въ этомъ случаѣ относительно всемогущества Божія. Вопросъ не въ томъ, что Богъ можетъ сдѣлать, а въ томъ, что мы должны сдѣлать. А намъ достаточно ясно это сказано и въ Словѣ Божіемъ и въ преданіи Православной

церкви»,*) — именно, что тѣло усопшаго должно подлежать не процессу сожженія, а разложенію въ лонѣ земли. И мы, вѣрующие въ смиреніи склоняемся предъ порядкомъ Божіимъ, имѣя священный страхъ производить эксперименты, которые бы вторгались въ тотъ законъ разложенія, какой подтверждается Божественнымъ словомъ: «ты земля и въ землю пойдешь!»

Не вѣря въ личное продолженіе жизни человѣка по смерти, дѣйствительное воскресеніе тѣла, приверженцы трупосожиганія подѣ различными предлогами имѣютъ, между прочимъ, особыя цѣли затаенныя: со своей трупосожигательной печью они преслѣдуютъ не только воздаяніе благочестивыхъ почестей почившимъ и христіанскую символику — при знаменательныхъ обрядахъ церковнаго погребенія, но еще православный догматъ о почитаніи мощей угодниковъ Божіихъ. Тогда какъ по законамъ природы тѣла многихъ умершихъ предаются гніенію и тлѣнію, разлагаются на свои составныя части и обращаются въ прахъ, — въ нѣкоторыхъ тѣлахъ, бывшихъ достойными сосудами благодати Божіей, Господь проявляетъ всемогущую свою силу, вопреки законамъ природы, нетлѣніемъ мощей, сопровождающимся чудесными исцѣленіями припадающихъ къ нимъ съ глубокою вѣрою. Въ православной греко-россійской церкви, какъ чадамъ ея хорошо извѣстно, до самыхъ послѣднихъ временъ не оскудѣваетъ эта помощь чудодѣйственная, являемая черезъ нетлѣнные останки св. угодниковъ. Отрицавъ въ принципѣ столь явное для всѣхъ и вмѣстѣ таинственное прославленіе мощей чудотворныхъ, протестантскіе ученые изъ свѣтскихъ и духовныхъ, конечно, не находятъ никакихъ съ этой стороны препятствій къ введенію трупосожиганія. Къ нимъ иногда присоединяются нѣкоторые легкомысленные члены римско-католической церкви, которая, со времени отпаденія своего отъ восточной православной (въ 1054 г.), не удостоивается по особому Промыслу Божію знаменій отъ Бога въ видѣ явленія прославленныхъ на землѣ мощей благочестивыхъ ея членовъ. Не такъ въ православной греко-россійской церкви Христовой, на которой особенное Божіе благоволеніе видимо почиваетъ и настолько, что съ этимъ не могутъ не согласиться или не желаютъ то усмотрѣть только ослѣпленные умомъ и упорные. Благочестно прославляя явленія св. мощи угодниковъ Христовыхъ, особенно торжественно въ дни обрѣтенія и перенесенія ихъ, церковь видитъ въ нихъ «неоцѣненное сокровище, огражденіе и покровъ городовъ и весей, источникъ исцѣленія и чудесъ» и называетъ ихъ честными и многоцѣлебными.**)

*) Радость Христ. 1908 г. VII—VIII кн. 93 стр.

**) Троп. и конд. свят.

ви Христовой значеніе св. мощей, скажемъ объ этомъ авторитетными словами Московскаго митрополита Филарета: «какъ съ воскресеніемъ Христовымъ *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа* для того, чтобы, по воскресеніи Его, *внѣсти во святыи градъ и явитися многимъ живущимъ*, для удостовѣренія ихъ объ открывшейся силѣ воскресенія; такъ и донинѣ тѣлеса усопшихъ святыхъ являются въ нетлѣніи, съ силою чудодѣйственною и живоносною, для насъ живущихъ, для удостовѣренія въ воскресеніи Христовомъ и въ нашемъ будущемъ воскресеніи, для укрѣпленія немощныхъ въ подвигахъ противу грѣха и смерти, для возбужденія невнимательныхъ и нерадивыхъ къ подвигамъ благочестія *). Существованіе въ православной церкви св. мощей и высокое цѣльбоносное ихъ значеніе составляетъ для вѣрующихъ чадъ ея еще особенное основаніе держаться древнѣйшаго обычая погребать умершихъ въ землю. И какого многоцѣннаго сокровища лишили бы себя тѣ христіане, которые рѣшились бы послѣдовать вводимому на Западѣ обычаю погребенія тѣлъ умершихъ посредствомъ сожиганія!

Наконецъ, не можемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что вводимый на Западѣ способъ погребенія находится несомнѣнно въ противорѣчій съ той практикой, какая принята въ христіанской церкви съ первыхъ дней ея бытія. Ни въ какую эпоху она не принимала обряда сожиганія для погребенія умершихъ и даже рѣшительно боролась противъ азыческаго обычая трупосожиганія, сопровождаемаго обрядами, несомнѣнными съ христіанской вѣрой. И когда случалось, что нѣкоторые христіане пытались ввести въ большей или меньшей степени обрядъ трупосожиганія, эта частичная попытка не могла долго держаться противъ тѣхъ запрещеній и наказаній, какія обнародованы были папами. Уже папа Бонифацій VIII (въ началѣ XIII в.) объявилъ, что тѣ, кто подвергнетъ тѣла умершихъ христіанъ нечестивому сожиганію, вмѣсто принятаго погребенія въ землѣ, будутъ отлучены отъ св. Евхаристіи и, кромѣ того, останки этихъ труповъ будутъ лишены церковнаго погребенія. Въ позднѣйшее время, въ виду возрастающаго среди христіанъ сочувствія къ идеѣ трупосожиганія, — чему особенно покровительствовали секты, враждебныя христіанской вѣрѣ, — церковь католическая со всѣмъ духовенствомъ своимъ во Франціи (въ противоположность индифферентной снисходительности протестантскаго духовенства) относится также враждебно къ сожиганію труповъ человѣческихъ и рѣшительно въ лицѣ папъ высказалась въ трехъ достопамятныхъ по-

*] Слова и рѣчи, М. 1844 г. ч. 11, стр. 184.

становленіяхъ*) по сему. Декретомъ отъ 19 мая 1886 г., въ виду попытокъ членовъ масонскихъ обществъ ввести трупосожиганіе и тѣмъ поколебать уваженіе къ зарыванію въ землѣ, запрещено принимать участіе въ обществахъ по сожиганію труповъ и подвергать себя или другихъ сожженію. По декрету 15 декабря 1886 г. должны быть лишены церковнаго напутствія тѣ члены церкви, которые сдѣлали завѣщаніе о сожженіи своего трупа и при жизни не отказались отъ этого рѣшенія. Наконецъ, декретомъ отъ 22 іюля 1892 г. были окончательно рѣшены нѣкоторые практическіе вопросы относительно трупосожиганія. Такъ, постановлено: а) по вопросу о дозволеніи преподавать послѣднее напутствіе вѣрующимъ, не принадлежащимъ къ масонской сектѣ и не проникнутымъ ея принципами, но завѣщавшимъ себя сжечь, — сдѣлать увѣщаніе таковымъ и въ случаѣ упорства — отказать имъ въ церковномъ напутствіи; б) мессу за тѣхъ членовъ церкви, тѣло которыхъ сожжено, не совершать открыто, гласно, негласная же месса не воспрещается; в) по вопросу о томъ, можно ли содѣйствовать трупосожиганію завѣщаніемъ, совѣтомъ другому, непосредственнымъ участіемъ (докторовъ, чиновниковъ, рабочихъ), — завѣщанія и совѣты по этому дѣлу не дозволяются, а участіе въ трупосожиганіи разрѣшается при соблюденіи тѣхъ условій, чтобы таковое участіе не служило знакомъ протеста противъ католической церкви и сочувствія масонскимъ ломамъ и чтобы очевидно было, что чиновники и рабочіе занимаются этимъ дѣломъ не изъ ненависти къ своей религіи, и г) по вопросу о дозволеніи преподавать св. таинства тѣмъ, кто назначилъ свой трупъ на операцію сожженія, слѣдуетъ руководствоваться декретомъ отъ 15 декабря 1886 года.

Въ опредѣленіи римской куріи, одобренномъ папою Львомъ XIII, положительно воспрещаемое сожженіе умершихъ членовъ церкви признается за «варварскій и отвратительный обычай»**). Въ самое послѣднее время***) въ двухъ нѣмецкихъ государствахъ Баваріи и Пруссіи вышли распоряженія, открыто направленные противъ сожиганія труповъ. Въ Мюнхенѣ во всѣхъ католическихъ церквахъ вывѣшены объявленія діоцезнаго начальства о томъ, что католикамъ строго запрещается вступать въ качествѣ членовъ въ фрейны сторонниковъ трупосожиганія, также дѣлать распоряженія о сожженіи своего тѣла по смерти или сжигать трупы другихъ. Католики, сдѣлавшіе распоряженіе о сожженіи своего тѣла, если, не смотря на увѣщанія, не возьмутъ этого распоряженія

*) Dictionnaire, Vacant... 2320—21 pag

***) Новое Время, 1890 г. № 5273.

****) Церк. Вѣстникъ. 1906 г. № 20, 622—623 стр.

«обратно, лишаются св. таинствъ; если же они упорно останутся при своемъ рѣшеніи до самой смерти, то священники не должны благословлять ихъ тѣла, ни сопровождать его, ни совершать заупокойной службы. Въ заключеніе ко всемъ обращено увѣщаніе держаться съ уваженіемъ стараго, обставленнаго церковію торжественными обрядами, обычая погребать трупы въ землѣ. Баварское министерство внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны, ссылаясь на полицейскія правила о погребеніи, въ которыхъ сожиганіе труповъ не предусмотрено, считаетъ его недозволительнымъ. Въ Пруссіи противъ сожиганія труповъ высказался административный судъ. Въ своемъ приговорѣ отъ 15 мая минувшаго года, по дѣлу о столкновеніи гагенскаго ферейна сторонниковъ трупосожиганія съ полиціей, онъ объявляетъ сожиганіе труповъ недозволительнымъ, при чемъ основывается главнымъ образомъ на томъ, что погребеніе труповъ въ землѣ должно быть удержано по соображеніямъ судебнымъ, въ виду возможной необходимости вскрытія трупа для обнаруженія слѣдовъ преступленія. Этимъ рѣшеніемъ останавливаются намѣренія прусскаго правительства, рѣшившагося уже было узаконить законодательнымъ или административнымъ порядкомъ сожиганіе (Факультативное) въ государствѣ.

Позволимъ себѣ кстати привести нѣкоторыя выразительныя сужденія выдающихся французскихъ писателей*), чтобы видѣть, насколько сожиганіе труповъ считается несимпатичнымъ, нежелательнымъ сравнительно съ общепринятымъ погребеніемъ въ землѣ. Дирикъ Франсуа Коппе по вопросу о погребеніи чрезъ сожженіе отвѣтилъ такъ: «Вашъ вопросъ, любезный коллега, напоминаетъ мнѣ пресловутый рецептъ французской кухни: съ кролика надо немедленно содрать шкуру, для зайца же предпочтительнѣе обождать. Я попрошу позволенія поступить со мною какъ съ зайцемъ... Когда будетъ угодно Богу, я упокоюсь на кладбищѣ Монпарнасъ, въ единственномъ моемъ помѣстьи, въ склепѣ, рядомъ съ моими дорогими родными.» Жюль Симонъ высказался такъ: «Я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ выбора между колумбаріемъ и могилей. Дѣти мои изберутъ тотъ процессъ, который имъ покажется наименѣе ужаснымъ. Я имъ предоставляю рѣшить, сохранять ли мой прахъ въ урнѣ или беречь кости въ гробу». Эмиль Золя пишетъ такъ: «Вы желаете узнать одинъ изъ пунктовъ моего завѣщанія—о судьбѣ моего трупа. Сожиганіе труповъ имѣетъ за себя то, что оно—очень чистая операція. Однако я думаю, что оно войдетъ въ употребленіе весьма медленно, ибо оно оскорбляетъ, не знаю почему, наше, быть можетъ, ложное представленіе о на-

*) Новое Время 1890 г. № 5273.

шемъ долгѣ любви къ покойнымъ. Что касается моего личнаго мнѣнія, то откровенно сознаюсь, я его не уяснилъ себѣ. Я думаю, что самое лучшее въ настоящемъ случаѣ предоставить рѣшеніе тѣмъ, кто останется послѣ васъ и любить васъ. Они одни могутъ испытывать радость или горе... Уже изъ этихъ отзывовъ можно усматривать видимо несочувственное отношеніе лучшихъ современныхъ представителей интеллигентнаго французскаго общества къ трупосожженію: отсюда же очевидно, что тѣ многообразныя доводы, которые съ горячностью приводятся или, лучше, по обычаю повторяются въ защиту этого нововведенія на Западѣ, не имѣютъ надлежащей устойчивости и силы убѣдительности. Несомнѣнно, что истинно вѣрующій христіанинъ—соотечественникъ, уже вслѣдствіе прямого несоотвѣтствія новаго западнаго обычая русскому народному духу и смыслу, имѣя и твердыя религіозныя основанія за погребеніе въ землю, всей душой и всемъ сердцемъ отвратится отъ нововводимаго способа погребенія. Въ ожиданіи неизбежнаго для всехъ часа смертнаго онъ пожелаетъ быть погребеннымъ не иначе, какъ согласно точному смыслу опредѣленія Господня: «ты земля, и въ землю пойдешь», какъ искони отходили изъ этой жизни все вѣрующіе ветхаго и новаго завѣта, какъ оставляютъ эту жизнь и теперь благочестивые христіане.

Для заключительной иллюстраціи отрицательныхъ сторонъ новаго погребенія на Западѣ посредствомъ сожиганія небезынтересно сообщить непосредственный, но характерный по себѣ взглядъ на это русскаго. Большая часть соотечественниковъ, имѣвшихъ случай наблюдать сожженіе человѣческихъ труповъ за границей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ совершается хотя не часто, выносили изъ этого наблюденія самое тяжелое впечатлѣніе. Вотъ что говорить*) одинъ изъ русскихъ путешественниковъ, очевидецъ происходившаго въ 1890 году въ Миланѣ сожиганія тѣла умершаго. Мы прибыли въ моментъ оконченія сожиганія трупа, принадлежавшаго бѣдному семейству. Удушливый запахъ разложенія, не смотря на прекрасную вентиляцію, еще носился въ комнатѣ и вызывалъ тяжелое впечатлѣніе. Завѣдующій, окончивъ процедуру и передавъ прахъ родственникамъ, любезно предложилъ намъ свои объясненія. Все дѣлается очень просто и скоро: покойника кладутъ на особую длинную желѣзную повозку. Повозка прикрывается траурной овальной крышкой и въ такомъ видѣ подвозится къ печи. При посредствѣ колесиковъ она быстро вдвигается по рельсамъ въ печь, а крышка остается внѣ ея. Наружная дверь печи закрывается, пускаются газовые огни и въ 55 минутъ весь трущъ

*) Новое Время, 1890 г. № 5042.

сгораетъ, въ полномъ смыслѣ испаряется. Для родственниковъ имѣется въ печи боковое окошечко (хотя это не вездѣ!), чрезъ которое они могутъ въ послѣдній разъ посмотрѣть на своего бывшего родного и даже слѣдить, какъ онъ быстро улечивается... Когда трупъ сгораетъ, печь открывается, повозка вытаскивается и вы видите *пустое мѣсто*; на металлическомъ днѣ повозки лежатъ лишь какіе-то кусочки обгорѣлыхъ костей. Здѣсь — весь бывший человекъ... Эти остатки подбираются лопаткой и съ уваженіемъ укладываются въ глиняный гробикъ или металлическую или стеклянную урну и передаются родственникамъ для погребенія. Для сжигаемыхъ устроено особое кладбище и особый склепъ. Эти миниатюрныя могилки также украшаются надписями, изображеніями и фотографическими карточками покойниковъ. Не все ли, кажется, равно, прибавляетъ описатель, — быть погребеннымъ и потомъ истлѣть, испариться, или быть сожженнымъ и потомъ погребсти какіе-то свои останки?.. Но надо видѣть и почувствовать это быстрое исчезновеніе покойника (бывшаго человека), чтобы не колеблясь отказаться отъ такихъ похоронъ, вся видимость исчезновенія ужь слишкомъ прозрачна, чтобы не сказать — груба. Пожалуй и хорошо, заключаетъ очевидецъ, что мы, русскіе, еще не знаемъ прогресса Запада въ этомъ смыслѣ!

Цѣна 35 коп. съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться къ автору—преподавателю
Костромской дух. семинаріи, магистру богословія, И. Бажену.

